

ДЖЕЙМС

ГАНН

ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джеймс Эдвин Ганн

Где бы ты ни был

«Издательство АСТ»

1952-1964

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ганн Д.

Где бы ты ни был / Д. Ганн — «Издательство АСТ»,
1952-1964 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-145441-8

Джеймс Эдвин Ганн (1923–2020) – американский писатель-фантаст, критик, преподаватель, профессор Канзасского университета, основатель мемориальных премий Старджона и Кэмпбелла. Дважды лауреат премии «Хьюго», грандмастер «Небьюлы», автор почти двух десятков романов и более ста рассказов и повестей. В сборник вошли повести и рассказы из сборников «Время колдовства» и «Будущее несовершенное», в которых представлены самые популярные темы фантастики 1960—1970-х годов: тревога за будущее мира, ирония по поводу «войны полов», магия, психоанализ, искусственный разум и многое другое... Повесть «Где бы ты ни был» с момента публикации в нашей стране пользовалась большой читательской любовью и была дважды перенесена на экран. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-145441-8

© Ганн Д., 1952-1964

© Издательство АСТ, 1952-1964

Содержание

Где бы ты ни был	6
Рожденная из пены	37
Практическая магия	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джеймс Ганн

Где бы ты ни был

James Gunn

The Man who Invented Tomorrow

Future Imperfect

The Witching Hour

© James Gunn, 1964, 1970, 2000, 2014

© Перевод. Н. Виленская, 2017

© Перевод. А. Корженевский, 2019

Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Где бы ты ни был

Понаблюдав некоторое время, как убегает колесо по дороге, Мэтт очнулся от столбняка и погнался за ним.

– Стой! Стой, черт тебя задери!

Колесо с прямо-таки садистским весельем подскочило высоко в воздух и покатилося еще быстрее. Пробежав по жаре еще ярдов сто, Мэтт наконец догнал его и своротил набок. Колесо лежало, крутясь, как перевернутая на спину черепаха. По шее у Мэтта струился пот.

Вблизи словно серебряные колокольчики зазвенели. Смеется кто-то? Лес, редкий у вершин хребта Озарк, постепенно густел, спускаясь к голубому, манящему прохладой горному озеру, но здесь Мэтт не видел никого, кроме какой-то девчонки, бредущей по пыльной дороге с низко опущенной головой – не похоже, чтобы смеялась она.

Пожав плечами, он вытер лоб рукавом. Солнце Южного Миссури в конце июня припекает слишком сильно для какой бы то ни было работы – зря он, кажется, приехал сюда.

Воздух мерцал от зноя, красная пыль медленно оседала. Мэтт покатил колесо обратно к старому зеленому «Форду». Оно не сопротивлялось и как будто раскаивалось, что попыталось сбежать, однако перемазался Мэтт порядочно.

Прокол случился на одном из немногих ровных участков, но колесо мчалось как с крутой горки.

И надо же такому стрястись на этом коровьем проселке, в двадцати пяти милях от хижины. Нет бы на шоссе, где можно дотащить до сервиса. Бегство колеса достойно замыкало серию мелких досадных случайностей, оставивших болезненные следы на голених и костяшках Мэтта.

Ну что ж, он сам стремился к уединению, потому и согласился, когда Гай предложил ему свою охотничью хижину. Идеально, казалось бы, для написания книги... именно что «казалось». Похоже, здесь уйму времени придется потратить на элементарные бытовые проблемы.

Мэтт осторожно уложил колесо позади машины, достал из багажника запаску, надел ее на левую заднюю ось, прикрутил и вздохнул – на этот раз с облегчением.

Дзынннь! Кланг!

Мэтт посмотрел вниз. Из колпака, дюймах в двух от его ноги, только что выпала последняя гайка.

Его ругань, долгая и подробная, включала в себя непристойные действия с неодушевленными предметами.

Есть в машинах нечто кардинально чуждое человеку. Сначала они прикидываются покорными рабами, а потом, в один прекрасный момент, восстают против своих хозяев.

Хотя, возможно, все дело в самом человеке. У одних все идет через пень-колоду: бутерброды падают маслом вниз, полки валятся, мячи для гольфа улетают в лесную чащу, другим же вещи служат безропотно. Чем объяснить этот мистический союз – удачей, мастерством, опытом? Мэтт подозревал нечто более сознательное и даже зловещее.

Взять хоть его катастрофические занятия химией. Чуть экзамен не завалил, хотя делал все как положено: выделил, профильтровал, растворил, снова выделил. Профессор – как же его звали, Уодсуорт? – прочел результаты, нахмурился и спросил:

– А окиси вы там, случайно, не обнаружили?

– Окиси? – растерялся Мэтт. – Нет там никакой окиси.

После простейшего опыта окись, конечно, нашлась.

Вспомним также стычки с фрезерным станком и с рейсфедером, который отказывался провести прямую линию, хоть убей. Решив, что с такими руками инженера из него не полу-

чится, Мэтт перенес свои интересы в менее материальную область и теперь сомневался, правильно ли он поступил.

Что на этот раз? Кобольды, зловредные духи? Может выйти хорошая статья для «Джорнэл оф»...

Смех, точно смех. Та девчонка подошла совсем близко и хихикала почему зря. Лет тринадцати, не выше пяти футов росточком, в выцветшем бесформенном синем платье, с грязными босыми ногами и длинными, мышиного цвета косами. Совсем дурнушка, если бы не большие голубые глаза.

– Что смешного? – прорычал Мэтт.

– Вы бы лучше на лошадь сели.

– Эта шутка только что дошла до ваших краев?

Мэтт, злой как черт, собрал гайки. За одной, конечно, пришлось лезть под машину.

– Чего ты тут стоишь? – рявкнул он.

– Так просто.

Ну что с ней такой поделаешь. Мэтт снова затянул гайки. Потная шея свербела, но чесаться при девчонке он не хотел.

– Шла бы ты домой, – сказал он, вставая.

– Нельзя мне.

– Что значит – нельзя? – Мэтт убрал домкрат.

– Я сбежала. – Голубые глаза увлажнились, одинокая слеза прочертила дорожку на грязной щеке.

Мэтт, не позволяя себе расчувствоваться, закинул в багажник спущенное колесо, захлопнул крышку. Солнце уже снижалось, а двадцать пять миль на этой богом забытой дороге займут добрый час.

Он сел за руль, запустил двигатель, оглянулся на понурюю маленькую фигурку и отпустил сцепление.

– Мистер! Эй, мистер!

Он затормозил и высунулся в окно.

– Что еще?

– Домкрат забыли.

Мэтт, сдав назад, молча вышел, уложил в багажник домкрат, спросил:

– И куда же ты теперь?

– Никуда.

– Что значит – никуда? Родственники у тебя есть? – Она печально потрясла головой. – А друзья? – Тот же ответ. – Значит, возвращайся домой!

Мэтт захлопнул дверцу. Не его это дело. Проголодается – вернется как миленькая. Он включил вторую скорость. А нет, так кто-нибудь ее подберет. Он, в конце концов, не благотворительная организация.

Он опять сдал назад и сказал:

– Залезай.

* * *

Девчонка, подсакивая на ухабах, пищала в полном восторге.

– Осторожно, не урони. – На сиденье между ними лежала стопка картонных папок. – Я, между прочим, год над этим работал. – Мэтт переложил их назад, на пишущую машинку, воткнутую между двадцатифунтовым мешком муки и коробкой с яйцами.

– Целый год?

– Да. Это заметки для книги.

– Так вы книжки пишете?

– Это будет научный труд. По психологии. Если точнее, о полтергейсте.

– Чего это – пол-тер-гейст?

– Немецкое слово. «Полтер» значит «шумный», «гейст» – дух. Шумный дух.

– А, про духов, значит, – со знающим видом сказала она.

– Это просто суеверие, – нетерпеливо пояснил Мэтт. – Люди приписывают духам то, чему не могут найти научного объяснения. Нет никаких духов, которые переворачивают столы, стучат или швыряют предметы. Все это можно объяснить вполне естественным образом. Но ты, наверно, не любишь читать?

– Нет, люблю.

– Ну уж точно не научные книжки.

– Всякие. Про полтергейстов особенно.

Мэтт почему-то ощутил раздражение.

– А где ты живешь?

Она замерла, перестав подпрыгивать.

– Я домой не пойду.

– Почему это? Только не говори опять, что сбежала, – гнусаво передразнил он.

– Па опять с меня шкуру спустит.

– Он тебя бьет?

– Угу, все больше ремнем. Вот, глядите. – Она задрала юбку и засучила штанишки, сшитые, похоже, из мешковины.

Мэтт взглянул и тут же отвел глаза. Бедро с большим темным кровоподтеком было слишком округлым для тринадцатилетней. Он где-то читал, что девочки в этих горах взрослеют раньше обычного.

– За что он тебя так?

– Да просто злится.

– Ну какая-то причина ведь должна быть.

– Когда пьяный, бьет, потому что выпил, а когда трезвый – потому что не выпил еще.

Вот так вот.

– Но говорит-то он что?

– Не могу повторить, – потупилась девочка.

– Хорошо, но чего он от тебя хочет?

– А-а! – Она поразмыслила. – Чтобы я замуж вышла. Нашла себе парня, который переедет к нам и будет работать. От девчонок, говорит, проку нет, зря только хлеб едят.

– По-моему, ты еще мала для замужества.

– Мне шестнадцать, – сообщила она, посмотрев на него краем глаза. – У сверстниц моих по ребятенку уже, а то и по два.

Шестнадцать! Не может быть. Это ее платье, впрочем, скрывает многое... не забудем и про бедро.

– Замуж, замуж! – проворчала она. – Как будто я сама не хочу. Я не виновата, что парни от меня бегают.

– С чего бы это? – саркастически ввернул Мэтт.

– Вы такой милый, – улыбнулась она. Она становилась почти хорошенькой, когда улыбалась, – с поправкой на местность.

– Нет, правда: почему они бегают?

– Из-за па тоже, кому охота с ним в одном доме жить. А так я, наверно, невезучая просто. Почти год с одним гуляла, а он ногу сломал. Другой упал в озеро и чуть не утонул. И все, главное дело, меня винят! Ну поругались мы, и чего?

– Тебя, говоришь?

Она энергично кивнула.

– Которые подберет говорят, что я приношу несчастье, а другие и вовсе невесть чего выдумывают. Вот парни больше и не ходят ко мне. Я, говорят, раньше на пуме женюсь. А вы женаты, мистер?..

– Райт, Мэтью Райт. Нет, не женат.

– Райт, – протянула она. – Эбигейл Райт. А что, красиво.

– Эбигейл Райт?

– А я чего, так сказала? Смешно... Вообще-то я Дженкинс.

Мэтт сглотнул и сказал твердо:

– Я отвезу тебя домой. Говори, как проехать, или вылезай прямо здесь.

– Так ведь па...

– Куда ты, собственно, собралась со мной ехать?

– К вам, куда же еще.

– Это неприлично.

– Да? Почему?

Мэтт мрачно притормозил.

– Ладно, – покорила она с видом христианки, идущей к львам на арену. – На следующем перекрестке направо.

Куры, квохча, разбежались, свиньи в хлеву за домом подняли визг. Домик из двух комнат с косой верандой если и был знаком с краской, то шапочно и очень давно.

В шатком кресле на веранде покачивался крупный чернявый мужчина с буйной шевелюрой и густой бородой.

– Па, – шепотом пояснила Эбигейл.

Мужчина продолжал покачиваться как ни в чем не бывало. Ему что, каждый день дочь обратно привозят? Может, и так.

– Все, приехали, – нервно объявил Мэтт.

– Не могу я выйти, он на меня сразу накинется. Вы с ним поговорите сначала, спросите, зол он на меня или как.

– Ну уж нет, – сказал Мэтт, посмотрев еще раз на молчаливого папу. – Я свой долг выполнил, привез тебя, а теперь до свидания. Не сказать, чтобы рад был с тобой познакомиться.

– Вы такой хороший, такой красивый. Не хочу говорить папе, что вы мной попользовались. Он просто жуть какой, когда обозлится.

Мэтт после долгой паузы вылез, подошел к веранде, занес ногу на ступеньку.

– Я тут вашу дочь на дороге встретил...

Качалка не останавливалась.

– Она убежала, – добавил Мэтт.

Дженкинс молчал. Выражение верхней, не закрытой волосами части его лица при ближайшем рассмотрении сильно не понравилось Мэтту.

– Я привез ее обратно домой.

То же качание и то же молчание. Мэтт, быстро вернувшись к машине, достал из бардачка пинту бурбона.

– Напомни мне больше с тобой не встречаться, – сказал он Эбигейл и спросил ее отца: – Выпить хотите?

Одна ручища прижала бутылку к нагруднику выцветшего комбинезона, другая открутила колпачок. Бутылка запрокинулась к некрашеному потолку, нырнула в нечесанные баки, забулькала и вернулась ополовиненная.

– Слабовато, – сказал Дженкинс, однако бутылку не отдал.

– Я привез домой вашу дочку, – повторил Мэтт.

– Зачем?

– Больше ей идти было некуда. Она, как-никак, здесь живет.

– Она сама отсюда сбежала.

– Да, я знаю. Девчонки этого возраста кого угодно довести могут. Пообщавшись с вашей, я в чем-то вас понимаю, но она все-таки ваша дочь.

– На этот счет у меня есть сомнения.

Мэтт набрал воздуха и попытался еще раз:

– В семьях приходится уступать друг другу. Даже если дочь выводит вас из себя, бить ее не годится. С точки зрения психологии...

– Бить? – Дженкинс поднялся с качалки, как Нептун из морской пучины. Мэтт был ростом около шести футов, но фермер, даже учитывая высоту веранды, превышал его на несколько дюймов. – Да я ее сроду пальцем не трогал.

Пораженный Мэтт заметил, что Дженкинс дрожит.

– Заходите. – Хозяин показал бутылкой на темный дверной проем.

Мэтт нерешительно вошел внутрь. Под ногами что-то хрустело.

Дженкинс зажег керосиновую лампу, и перед Мэттом предстала картина разгрома. На полу битая посуда, стулья разломаны. Стол задрал кверху три ножки, четвертая валялась отдельно.

– Это все она? – пролепетал Мэтт.

– Вы еще вторую комнату не видали. – Голос у Дженкинса тоже дрожал, что при его масштабах прямо-таки пугало.

– Но как? Верней, почему?

– Я не говорил, что это Эб. – Дженкинс мотнул бородищей, и стоящему рядом Мэтту захотелось чихнуть. – Оно само по себе делается, когда ее что расстроит. А она сильно расстроилась, когда ее Дунканов парень бросил. Стулья подсакивали и бились об пол, стул плясал по всей комнате, посуда так и летала. Да вот, гляньте! – Он отвел длинные патлы с затылка и показал большую красную шишку. – Даже думать неохота, что с самим парнем станет. Надо бы поучить девку, так? Надо-то надо, но я скорей суну руку в гнездо к гремучкам.

– Само по себе, говорите?

– Ну да. Что, не верится? Я бы тоже не поверил, кабы сам не видал и не испытал на себе. – Дженкинс потер свою шишку. – Такое и раньше случалось, лет пять-шесть как началось. Стала Эб в возраст входить, оно и...

– Ей же всего шестнадцать.

Дженкинс, посмотрев через дверь на машину, снизил голос до хриплого шепота:

– Какое там, за восемнадцать перевалило. Это она просто выглядит как малявка... вы уж не выдавайте меня.

Единственная уцелевшая тарелка слетела с полки и разбилась у самых ног Дженкинса. Он отскочил и затрясся еще сильнее.

– Вот, видали?

– Упала, – сказал Мэтт. – Бывает.

– Околдовали ее, вот что. – Дженкинс судорожно глотнул из бутылки. – Может, я ей плохим отцом был. Как мать померла, так она и давай чудить. Не сказать, чтобы только к худу: за водой мы давно не ходим, бочка у веранды завсегда полная. Но как заневестилась она да начала из-за ухажеров переживать, жизни не стало вовсе. Люди нас стороной обходят, вещи скачут по всему дому – на стул и то страшно сесть. Мочи уж нет, сынок! – Глаза Дженкинса, к ужасу Мэтта, налились слезами. – Выпить и то больше не с кем, да и в страду никто не поможет. А у меня спина больная, утром иной раз с постели трудно подняться. Слушай, сынок: ты человек городской, ученый и Эб вроде бы приглянулся. Забрал бы ее с собой, а? – Мэтт

попятился к двери. – Она знаешь как хорошо готовит, сковородка у ней точно к руке приросла. Я ж не прошу тебя жениться, это не обязательно.

Мэтт продолжал пятиться, мотая головой что есть силы.

– Вы с ума сошли. Не могу же я увести девушку просто так. – Он уже собрался улепетнуть, но тяжелая рука удержала его на месте.

– В наших краях всякий, кто провел больше двадцати минут наедине с девушкой, обязан на ней жениться. Тебя я, поскольку ты приезжий, не заставляю, но Эб ведь сама от меня ушла, и незачем было обратно ее везти. Знаешь, сколько ест эта девка? Больше меня.

Мэтт достал из бумажника двадцать долларов.

– Вот, держите. Это немного скрасит вам жизнь.

Дженкинс потянулся было к деньгам и отдернул руку.

– Не. Ты ее привез, ты и увези.

Мэтт, содрогнувшись, добавил еще одну двадцатидолларовую бумажку.

Дженкинс, обильно потея, зажал банкноты в ладони.

– Ладно, уговорил.

Мэтт, точно вырвавшись из сумасшедшего дома, рванул дверь машины.

– Вылезай, все в порядке.

– А как же па?

– С этих пор он будет для тебя нежным отцом. До свидания.

Эбигейл вышла и зашагала к веранде. Дженкинс съежился и как-то сразу уменьшился.

– Мерзкий, грязный старикан, – сказала она, проходя в дом. Он хотел опять глотнуть из бутылки, но та загадочным образом опрокинулась над его головой и вылила весь бурбон ему на макушку.

Дженкинс, став еще больше похож на Нептуна, устремил скорбный взгляд на Мэтта. Тот поскорей развернулся и выехал со двора. Оптический обман, несомненно. Не может бутылка висеть в воздухе без всякой поддержки.

Гай дал ему подробные указания, как найти хижину, но Мэтт колесил по горам уже два часа и зверски проголодался.

На четвертом заходе ему вроде бы попался подходящий под описание домик, только там, судя по свету в окнах, уже кто-то жил. Мэтт подъехал к нему по крутой аллее, надеясь хотя бы дорогу узнать.

У двери его встретил запах поджаренного бекона. Мэтт постучался, глотая слюнки. Вдруг и поужинать пригласят?

Дверь открылась.

– Чего вы так долго?

– Нет... – заморгал он. Прямо как в старом водевиле, где пьяный раз за разом стучится в один и тот же гостиничный номер и под конец жалобно спрашивает: «Вы что тут, все номера занимаете?» – Что ты здесь делаешь? Как ты...

Эбигейл втащила его через порог. Чистота, все сияет, обе нижние койки аккуратно заправлены, на столе два прибора.

– Па передумал, – объяснила она.

– Это нечестно. Я ему дал...

– Вот, держите. – Она достала из кармана две скомканные двадцатки, добавив к ним доллар и тридцать семь центов мелочью. – Па прислал бы больше, да нету. Он харчами добавил.

Мэтт тяжело опустился на стул.

– Я не говорил тебе, где эта хижина. Я сам не знал где. Как же ты...

– Я это умею – места находить и вещи потерянные. Как кошка.

– Но как ты сюда добралась?

– Приехала. – Мэтт невольно покосился на стоящую у стенки метлу. – Па мула мне дал. Я его отпустила, он домой сам вернется.

– Нельзя тебе оставаться здесь. Это попросту невозможно!

– Тише, мистер Райт. Ма всегда говорила, что не стоит ничего решать на пустой желудок. У меня ужин готов – оголодали уже небось.

– Решать тут нечего, – огрызнулся Мэтт, глядя, как она ставит на стол поджаренные ломти бекона под сливочным соусом, кукурузные початки, пышные бисквиты, масло, домашний джем, ароматный кофе. Разрумнявшись от плиты, она стала почти красавицей. – В рот ничего не возьму, – сказал он.

– Чепуха, – отозвалась она, наполняя его тарелку.

Бекон таял во рту. Мэтт начал есть и убедился, что все здесь, впервые на его памяти, приготовлено точно так, как он любит.

Сытый и довольный, он откачнулся назад, закурил сигарету.

– Будь время, испекла бы вам персиковый пирог, – сказала Эбигейл, наливая ему третью чашку кофе. – Он у меня хорошо выходит.

Мэтт лениво кивнул. Неплохое возмещение за...

– Нет! – Стул хлопнулся на все четыре ножки. – Не пойдет. Нельзя тебе здесь оставаться. Что скажут люди?

– Да кому какое дело. Па вон все равно. И потом, я могу сказать, что мы поженились.

– Не надо, – прохрипел Мэтт. – Пожалуйста.

– Позвольте мне остаться у вас, мистер Райт. Я стряпать буду и все такое. Никаких хлопот вы от меня не увидите, честное слово.

– Слушай, Эбби. – Он взял ее за руку, на удивление мягкую. Она скромно потупилась. – Ты славная девушка и готовишь лучше всех, кого я знаю. Со временем станешь кому-нибудь хорошей женой – зачем тебе губить свое доброе имя, живя здесь с одиноким мужчиной? Ты должна немедленно вернуться к отцу.

Она будто помертвела и прошептала чуть слышно:

– Хорошо, будь по-вашему.

Мэтт, опьяненный внезапным успехом, открыл перед ней дверь, усадил в машину, сел сам. Эбигейл забила в угол и на него не смотрела. Ему стало стыдно, как будто он ударил ребенка. Бедняжка, подумал он – и приказал себе не валять дурака.

Он нажал на стартер, но машина не заводилась: мотор работал на холостых оборотах.

Он покосился на Эбигейл. Да нет же, что за нелепость. Она не выходила из дому после его приезда. Он стал настоящим параноиком, когда ее встретил, – нельзя же все сваливать на несчастную деревенскую девушку. И хватит жать на кнопку, так и аккумулятор посадить можно.

– Ладно, не выставляй же тебя на ночь глядя. Переночуешь один раз здесь.

Они молча вернулись в дом и занавесили нижние койки, прикрепив одеяла к верхним. В процессе Мэтт ощущал ее сладкий женский запах и помимо воли к ней прикасался.

Закончив, Эбби вознамерилась стащить через голову платье.

– Зачем же мы, по-твоему, одеяла вешали? – остановил ее Мэтт. – Раздевайся там, у себя.

Она покорно кивнула и залезла на свою койку. Мэтт, сделав то же самое, разделся, укрылся и вспомнил, что не потушил лампы.

Она, прошлепав по полу, задула их одну за другой. Стало темно и тихо.

– Доброй ночи, мистер Райт, – произнес детский голосок.

– Доброй ночи, Эбби, – ответил Мэтт и твердо добавил: – Но завтра первым делом домой.

С койки напротив донеслось что-то – не то всхлип, не то храп, не то приглушенный смешок.

В кошмарный сон Мэтта, убегающего от невидимого врага, вторгся аромат яичницы с беконом и кофе. Мэтт открыл глаза и жадно потянул носом. На постели играл смягченный занавеской солнечный свет, сон улетучивался.

Откинув занавеску, Мэтт увидел в углу аккуратно сложенные припасы, а на маленьком столике у окна пишущую машинку, драгоценные свои папки и стопку белой бумаги.

Он торопливо оделся и вылез из своего кокона. Эбби накрывала на стол, мурлыкая песенку. Платье на ней было другое, коричневое, совершенно не идущее к ее волосам и цвету лица, но сидящее несколько лучше, чем синее, и показывающее вполне женственную фигуру.

Мэтт попытался представить, как она выглядела бы в нормальной одежде, в нейлоновых чулках и накрашенная, но завтрак быстро убрал из головы все посторонние мысли. Эбби предугадывала его желания на удивление точно: желток сверху, белок как раз в меру плотный. Сначала он подумал, что не съест столько, но потом без труда умял три яйца. Эбби себе поджарила два.

– Ну-с, – вымолвил он, отодвинув тарелку и закулив. Эбби притихла. Куда, однако, спешить, несколько часов разницы не составят. Отвезти ее можно и вечером. – Не поработать ли мне?

Эбби убрала со стола, Мэтт вставил в машинку листок бумаги. Рабочий столик, как раз нужной высоты, стоял под правильным углом к свету. И впрямь идеальные условия для работы.

Мэтт полистал заметки, подавил желание немного пройтись, положил ногу на ногу. Работать решительно не хотелось.

В конце концов он напечатал посередине:

ФЕНОМЕН ПОЛТЕРГЕЙСТА

Правда о так называемых «шумных духах»

Эбби не шумела, наоборот. Она старалась все делать как можно тише, что особенно раздражало.

Мэтт, не вытерпев, оглянулся. Она в полном блаженстве сидела за круглым столом и зашивала дырку в кармане его запасных рабочих штанов.

Прямо как в игре. Ты будешь папой, я мамой. И жили они долго и счастливо. В то же время здесь есть что-то взрослое, что-то сбывшееся. Если бы всех на свете можно было осчастливить столь же легко – и как жаль, что даже простое счастье Эбби продлится недолго.

Точно почувствовав на себе его взгляд, она подняла глаза и вся просияла. Мэтту по-прежнему не писалось.

Веру в сверхъестественное, нерешительно начал он, можно объяснить попыткой первобытного разума обрести некий порядок в хаосе. Отсюда следует, что эта вера слабеет по мере познания естественных законов вселенной.

Нет, не то. Мысль, отраженная в кривом зеркале.

– Кто учинил разгром в вашем доме? – спросил, обернувшись, Мэтт.

– Либби.

– Что за Либби?

– Другая я. Обычно я держу ее взаперти, но когда мне становится грустно, она вырывается, и я не могу с ней сладить.

Боже правый. Шизофрения.

– Откуда ты это взяла? – осторожно спросил Мэтт.

– Моя сестренка-двойняшка родилась мертвой. Ма сказала, я сильнее была и забрала ее жизнь себе. Когда я вела себя плохо, ма всегда говорила, что Либби, мол, никогда бы такого не сделала. Ну я и начала сваливать все на Либби, как что-нибудь натворю. От трепки это не избавляло, но все как-то легче.

Надо же сказать такое ребенку!

– Скоро я и сама поверила, что пакостит Либби, а меня за нее наказывают. Ну и решила спрятать ее поглубже, чтоб она мне не вредила. А как стала я подрастать, – зарделась Эбби, – да начались все эти чудеса, тут Либби и пригодилась.

– Ты ее видишь?

– Нет, конечно. Она ж не взаправдашняя.

– Не настоящая, – машинально поправил Мэтт.

– Ну да. Когда мне плохо, начинаются эти штуки, и я ничего не могу поделать. Вы должны знать, как это бывает... я ее использую, вот.

Не такая уж она сумасшедшая, эта Эбби. Да и не дурочка.

– Ты ее совсем не контролируешь?

– Разве самую чуточку. Вот, скажем, когда вы дали па виски, я обозлилась и подумала, что хорошо бы оно хоть разок вылилось ему на голову, а не внутрь.

– Как насчет колеса и гаек в колпаке?

Серебряные колокольчики зазвенели опять.

– Вы были такой смешной.

Мэтт нахмурился было и тут же расплылся в ухмылке.

– Воображаю себе.

Снова повернувшись к машинке, он осознал, что воспринимает события последних полутора суток как факты, а объяснение Эбби как правдоподобную версию. Верит ли он в самом деле, что Эбби способна двигать предметы по желанию, при посредстве некой таинственной силы? Конечно, нет. Или верит?

Ему вспомнилась бутылка, висящая в воздухе и выливающая содержимое на голову Дженкинса. Тарелка, соскочившая с полки. Вспомнилось, как вывалились гайки из колпака и как укатилось колесо по ровной дороге.

От этого просто так не открестишься. Если явления не укладываются в определенную схему, схема нуждается в пересмотре.

От этой мысли Мэтта бросило в дрожь.

Первобытный человек поклонялся стихиям и неодушевленным предметам: деревьям, камням, рекам, ветрам, дождю. Позже из этого развилась мифология с нимфами, эльфами, Эолом, Посейдоном, кобольдами и полтергейстами.

Сэр Джеймс Фрэзер говорит о взаимоотношениях науки и магии так: человек ассоциирует идеи по их подобию в пространстве и времени. Если ассоциация легитимна, это наука; если нет, это магия, ее незаконная сестра. Но если предположить, что как раз магические ассоциации легитимны, то нелегитимной становится наука. Она меняется местами с магией, и современный мир переворачивается вниз головой.

Мэтт ощутил легкое головокружение.

А что, если первобытный человек был умней нашего? Что, если можно приманить удачу, совершив нужный обряд, и убить врага, проткнув булавкой куклу из воска? Что, если он сможет все это доказать?

Даже Эбби понимает, что у сверхъестественных явлений, этих квадратных колышков, не лезущих в круглые научные дырки, должно быть какое-то объяснение. Все эти объяснения Мэтт знал наизусть: иллюзии, бредовое состояние, гипноз – все, что не требует изменения установленных теорий и, по сути, отрицает само явление. Мэтту вспомнилась «Книга проклятых» Чарльза Форта, этот удивительный сборник явлений, необъяснимых с точки зрения науки и потому ввергнутых в преисподнюю неприемлемых.

Так как же их объяснить? Как объяснить Эбби? Верит ли он, что неодушевленные предметы все-таки обладают душами и Эбби в определенном настроении способна управлять ими?

Верит ли в полтергейстов, которыми Эбби командует? В нематериальную манипуляторшу Либби?

Нет места для Эбби в его вселенной. Грош цена его космологии при отсутствии объяснения.

Парапсихолог Рейн из Университета Дьюка называл это словом «телекинез». Попытка внедрить в науку нечто паранормальное – или, вернее, попытка изменить теорию вселенной с целью это паранормальное в нее втиснуть.

Но обозначить что-то псевдонаучным термином не значит дать объяснение.

Хорошо. Возьмем электричество. Чтобы им пользоваться, не нужно ничего объяснять – ты просто совершаешь определенные действия. Понимание – не физическая потребность, скорее психологическая.

Мэтт посмотрел на напечатанное им слово «полтергейст». Зачем попусту тратить время? Он как-никак ученый, психолог, а пишет о явлении, которого никогда не видел. Теперь у него появился шанс поставить весь мир на уши или, еще лучше, вновь перевернуть его с головы на ноги.

Эбби, закончив с починкой, смотрела в открытую дверь на летнее небо и улыбнулась, когда Мэтт подошел. Он обвел взглядом комнату.

– Принести вам что-нибудь?

– Вот! – Он вынул из клубка штопальную иглу и воткнул ее в стол. – Заставь ее двигаться.

– Зачем это?

– Посмотреть хочу. Разве этого недостаточно?

– Но мне не хочется. Никогда не хотелось. Оно само получается.

– Так попробуй!

– Нет, мистер Райт, – твердо ответила Эбби. – Мне от этого один вред. Всех ухажеров и папиных друзей распугала. Людям не нравится, когда кто-то такое творит. Не хочу больше.

– Хочешь остаться здесь – делай, что тебе говорят.

– Пожалуйста, мистер Райт, не заставляйте меня. Нехорошо это. Даже когда ничего подделать не можешь, все равно плохо, а делать это нарочно и вовсе грех. Как бы чего страшного не случилось.

Но Мэтт был непреклонен. Эбби прикусила губу и уставилась на иглу, наморщив свой гладкий лобик. Игла торчала недвижно.

– Не могу я, мистер Райт. Не могу, и все тут.

– Почему не можешь?

– Не знаю... – Эбби вспыхнула, машинально разглаживая лежащие на коленях брюки. – Наверно, потому, что я счастлива.

Утренние эксперименты не удовлетворили полуосознанную потребность Мэтта. Он предлагал Эбби самые разные вещи: катушку с нитками, авторучку, десятицентовик, ластик для пишущей машинки, каталожную карточку, сложенный бумажный листок, бутылку (последнюю Мэтт считал гениальным озарением). Но ни один предмет, хоть убей, не сдвинулся с места.

Он даже колесо достал из багажника и прислонил к машине. Пятнадцать минут спустя оно так никуда и не делось.

Мрачный как туча Мэтт достал с полки чашку и поставил на стол.

– Посуду ты вроде хорошо бьешь? Вот и давай.

Измученная Эбби уставилась на чашку и простонала:

– Не могу я.

– «Не могу»! – свирепо поправил Мэтт. – Ума, что ли, не хватает запомнить?

– Не могу... – повторила Эбби. Из голубых глаз хлынули слезы, хрупкие плечики затряслись.

Мэтт не испытал жалости. Неужели все, что он видел, просто иллюзия? Или Эбби действительно нужно быть несчастной, чтобы эксперимент получился?

Что ж, своя логика в этом есть. Дети-невротики играли заметную роль в истории колдовства. На одном из судебных процессов в Англии таких детей будто бы рвало иголками и булавами. Они не могли произнести слов «Господь», «Иисус», «Христос», но легко выговаривали «сатана» или «дьявол». Между серединой пятнадцатого века и серединой шестнадцатого столетия тысяч человек приговорили к смерти за колдовство. Сколько из них отправились на дыбу, на костер или в пруд из-за того, что показания против них дали дети? Девочка видела у своей двери женщину. Потом женщина куда-то пропала, и девочка увидела бегущего прочь зайца. Больше никаких улик не понадобилось, и обвиняемой вынесли приговор.

Чем все это объяснить – внушаемостью, жадной вниманием? Исследования Общества психологии, на основе которых Мэтт и собирался написать книгу, также указывают на участие детей или молодых девушек в необъяснимых явлениях – особенно в явлениях полтергейста.

Несчастной так несчастной.

– Собирай вещи, – приказал Мэтт. – Поедешь домой к отцу.

Эбби, застыв, подняла к нему залитое слезами лицо.

– Не поеду я.

– Еще как поедешь.

– Не поеду, и все тут. – Чашка полетела прямо в голову Мэтта. Он инстинктивно заслонился рукой, и чашка прилипла к ладони. Эбби при этом даже пальцем не шевельнула.

– Получилось! – заорал он. – Значит, правда!

– Так мне не надо к па ехать? – робко спросила Эбби.

– Нет, если будешь мне помогать.

– Одного раза вам мало, что ли? Вы ж теперь знаете, что я это могу. Хватит уже, а? У меня прям чувство такое, что будет беда. Ну ладно... как скажете.

– Теперь мне нужно знать, что ты почувствовала, когда чашка полетела ко мне.

– Злость.

– Нет, не то. Что ты почувствовала умственно и физически?

Эбби сосредоточилась, сдвинув брови.

– Господи, мистер Райт. Не мож... не могу я найти такие слова. Как будто мне захотелось бросить в вас что-то, вот я и бросила. Всей собой, не одной рукой.

Мэтт поставил чашку обратно на стол.

– Попытайся почувствовать то же самое.

Эбби собралась и тут же обмякла.

– Не. Не выходит.

– Значит, поедешь к отцу!

Чашка качнулась.

– Вот! Пробуй еще, пока не забыла!

Чашка закружилась на месте.

– Еще!

Чашка поднялась на дюйм и вернулась на стол.

– Это ж просто фокус такой, мистер Райт? На самом деле вы не собираетесь везти меня к па?

– Нет, но ты можешь еще пожалеть об этом. Будешь тренироваться, пока не научишься полностью контролировать эти свои способности.

– Ладно. Только это ужасно как утомительно, когда через силу.

– Ужасно утомительно, – поправил Мэтт.

– Да. Ужасно.

– Теперь попробуй еще раз.

К полудню Эбби научилась поднимать чашку на целый фут.

– Откуда же у нее берется энергия? – пробормотал Мэтт.

– Не знаю, – вздохнула она, – только живот прям подвело с голодухи.

– Я очень проголодалась, – поправил Мэтт.

– Очень. – Эбби пошла к буфету. – Вам сколько сэндвичей сделать, два?

Мэтт рассеянно кивнул и задумчиво сжевал сэндвичи с ветчиной. Эбби действительно на это способна, но полной силы – и полного контроля, предположительно – достигает, только когда несчастна.

– Попробуй с горчицей, – предложил он.

Баночка качнулась и легла набок.

– Это я наевшись, – объяснила Эбби, умявшая целых три сэндвича.

Да, это проблема. Мэтт устремил невидящий взгляд на желтую баночку.

Весь день он был очень добр с Эбби. Помогал вытирать тарелки, несмотря на ее протесты, рассказывал про свою учебу в Канзасском университете и про свою книгу.

– Психология пока пребывает в младенческом состоянии. В ней больше от метафизики, чем от науки. Масса теорий на основе недостаточных фактов. Вся беда в том, что предмет психологии – это живые люди. Физики ставят опыты на всем от атомов до атоллов, биологи на животных, медики режут трупы, а на живых людях экспериментировать нельзя – общественное мнение не потерпит. И не бывать психологии настоящей наукой, пока у нее не будет своих лабораторий и таких же безжалостных методов, как у физики.

Эбби так хорошо слушала – он и забыл, что говорит все это деревенской девчонке.

– Расскажите еще про университет, – попросила она. Ее интересовало, что надевают студентки на занятия и на танцы – глаза у нее стали совсем большими и круглыми. – Надо же. А как далеко они позволяют парню зайти, если намерения у него несерьезные?

Мэтт поразмыслил.

– От девушки зависит, я думаю.

– Зачем им вообще учиться, вот чего не пойму.

– Хотят получить образование, как и мужчины.

– А потом они чего делают?

– Некоторые работают.

– А замуж что ж, не выходят?

– Выходят, и очень многие. На последнем курсе, а то и раньше.

– Ясно... идут учиться, чтоб парней подцепить.

– Есть и такое мнение, – хмыкнул Мэтт. – Женихов в университете хоть отбавляй, тысяч десять-одиннадцать.

– Красивые платья и столько парней кругом – чего ж они тянут целых четыре года? Им тогда уж будет за двадцать, нет бы найти кого-то у себя дома.

– Студенты – более завидные женихи. У них есть шанс сделать хорошую карьеру и зарабатывать много денег.

– Да, наверно... только больно уж долго ждать.

– А ты чего бы хотела?

– Замуж выйти, чего ж еще.

– Все равно за кого?

– Ну зачем же. За подходящего.

– Мне кажется, парни должны слетаться к тебе как пчелы на мед.

– Видать, мой мед глубоко запрятан... и даже с парнем, который про него знает, столкнуться не так-то просто.

– Не верю. Здешние парни, по-моему, просто не разбираются в девушках.

Мэтт продолжал отпускать Эбби комплименты, она краснела и таяла. В жизни не пробовал такого кукурузного пудинга, уверял он после ужина – а уж персиковый пирог! (Это была чистая правда.)

Никогда еще Эбби не чувствовала себя такой счастливой. Она порхала как бабочка, работа так и горела в ее руках.

Мэтт позвал ее посидеть на крыльце. Она чопорно села рядышком, сложив руки на коленях.

Хижина стояла на вершине горы. Большая желтая луна освещала долину, озеро мерцало серебром в темно-зеленой раме, бриз приятно освежал после жаркого дня.

– Красотища, – вздохнула Эбби.

– Да, красиво.

Близость Эбби волновала Мэтта вопреки неказистой внешности, бесформенным платьям, босым ногам и полной необразованности. Даже ее простенькая мечта не казалась ему смешной и отражала извечное предназначение женщины лучше, чем путанные стремления знакомых Мэтту девиц.

Эбби по крайней мере знает, чего хочет, и готова все за это отдать. Будет кому-нибудь хорошей женой, ведь единственная ее цель – сделать мужа счастливым. Она с великой радостью будет стряпать для него, наводить чистоту, рожать ему сильных, здоровых детей. Будет молчать, когда он молчит, не станет мешать, когда он работает, разделит его веселье, со всем пылом ответит на его страсть. И чудеснее всего то, что такая жизнь будет для нее раем.

Мэтт поспешно закурил сигарету и взглянул при свете спички на Эбби. Она безмятежно смотрела в долину.

– А как у вас тут ухаживают? – спросил он.

– Иногда мы гуляем, – мечтательно ответила Эбби, – смотрим по сторонам, разговариваем. Иногда ходим на танцы в школу. Если у парня есть лодка, можно на озеро выйти. Ходим к соседям кукурузу лущить, ездим на церковные пикники. А лучше всего в такую вот лунную ночь сидеть на веранде, взявшись за руки – ну и прочее, если девушка позволяет.

Мэтт взял ее сильную, прохладную руку в свою. Она повернулась к нему, пытливно вглядываясь.

– Нравлюсь я вам хоть чуточку, мистер Райт? Не так чтоб жениться, а просто?

– Ты самая женственная девушка, которую я встречал. (Чистая правда.)

Их тела почти невольно соприкоснулись. Мэтт нашел ее губы, уже не девически бледные, а теплые, мягкие, страстные. Почувствовав робкое касание ее языка, он отпрянул и целомудренно обнял ее за плечи одной рукой. Она прижалась к нему.

– Я б, наверно, была не прочь, если б вы чего-то еще захотели.

– Не понимаю, почему ты не вышла замуж давным-давно.

– Сама виновата, думаю. Ни один парень по-настоящему мне не нравился, и злилась я на них без всякой причины. Потом с ними что-то случалось, ну и перестали парни со мной гулять. Я, наверно, слишком много от них ждала, ну и ладно. Это даже хорошо, что я до сих пор не замужем.

Мэтт ощутил нечто вроде укора совести. Ну и сволочь же ты, Мэтью Райт.

– С ними что-то случалось из-за тебя?

– Так говорят. Будто бы глаз у меня дурной – но с глазами у меня, кажись, все в порядке? – Она взглянула на него. В темной голубизне мерцали капли лунного света.

– В полном, – подтвердил он. – Глаза у тебя красивые. (Чистая правда.)

– При чем тут я, не пойму. Хэнк как-то вечером припоздал, а я ему: что так долго шел, никак нога сломана? На другой день он полез чинить крышу, упал и правда ногу сломал. Неосторожный был просто. А Джин до того был горячий, что я сказала: поплавай, мол, в озере, охладись малость. А что он правда в воду свалился, так у рыбаков это дело обычное.

– Да, пожалуй. – Мэтта пробрала дрожь.

– Озябли, мистер Райт? Давайте за пиджаком схожу.

– Не надо, все равно спать пора. Ты иди первая, а завтра мы с тобой в Спрингфилд за покупками съездим.

– Правда, мистер Райт? – Эбби вскочила, глаза у нее сияли. – Сроду в Спрингфилде не была.

– Ну вот и побываешь. Иди ложись.

Она убежала чуть не вприпрыжку, а Мэтт задержался, размышляя над тем, что приключилось с разочаровавшими Эбби парнями. Сигарета дрожала в его руке.

Мэтт знал уже четырех Эбби: девочку с косичками, угрюмо бредущую по пыльной дороге и весело подсакивающую на сиденье машины; счастливую стряпуху, румяную от плиты; несчастное вместилище таинственной и зловещей силы; страстную женщину в лунном свете. Которая же из них настоящая?

Наутро он познакомился с пятой. Лицо, умытое чисто-начисто, блестело почти как глаза, косы лежали короной. Синее с красным отливом платье, сшитое, насколько в этом смыслит Мэтт, из тафты, имело вырез сзади и спереди и сидело лучше всех предыдущих. Сбоку на нем торчала искусственная роза, ноги были обуты в черные кожаные сандалии.

Господи! Ее лучший воскресный наряд! И с этим-то ему предстоит разгуливать по улицам Спрингфилда. Мэтт подавил желание оторвать кошмарную розу.

– Ну что, готова?

– Мы по правде в Спрингфилд поедem?

– Если машина заведется.

– Да куда она денется!

М-да. Призадумалась тут.

После сытного завтрака, в который на этот раз входила и жареная картошка, машина завелась с ходу.

До города было миль пятьдесят, все больше по ухабистым проселкам. Мэтт молчал, с содроганием поглядывая на Эбби, она при всем волнении сидела смирно и наслаждалась поездкой, особенно когда они свернули на шоссе 65.

На городские дома она глазела так, точно они выросли по волшебству именно для нее. Потом стала разглядывать прохожих, особенно женщин, и вдруг затихла совсем.

– Что с тобой? – спросил Мэтт.

– Я, наверно, ужасно выгляжу, да? Стыдно вам будет со мной, я уж лучше в машине останусь.

– Чепуха, – решительно сказал Мэтт. Вот ведь чертовка, все понимает. Либо она необычайно проницательна, либо – что? – Ты мне нужна, надо будет примерить кое-что из одежды.

– Ой! Хотите мне что-то купить, мистер Райт?

Мэтт остановился перед самым большим в городе универмагом и помог Эбби выйти. Выражение, с которым она на него смотрела, ему не хотелось анализировать. Она крепко держалась за его руку, и он слышал, как колотится ее сердце.

– Нам на второй этаж, – сказал он, сверившись с указателем.

– А можно сперва тут походить немножко?

– Да, если хочешь.

Пройдя через весь магазин, они чудесным образом вышли к хозяйственному отделу. Эбби замерла на пороге, как замороженная глядя на кастрюли, сковородки, ножи и взбивалки. К плитам и электроприборам она отнеслась равнодушно, но посуду, тихо воркуя, перетрогала всю. Мэтту пришлось увести ее силой.

У самой лестницы он заметил, что она прижимает к груди маленькую сковородку из алюминия с медью.

- Где ты это взяла?
- Да там. Ничего, у них таких много, небось не хватятся.
- Но это же кража! – простонал Мэтт.
- Никакая не кража. Там много, а я немножко взяла.
- Надо ее вернуть. – Мэтт взялся за сковородку, но Эбби в нее вцепилась двумя руками.
- Не забирайте, пожалуйста!

Он нервно оглянулся по сторонам – на них, кажется, никто не смотрел.

– Хорошо, только тихо! Стой здесь и молчи. – Мэтт вернулся в хозяйствы и спросил продавца: – Сколько у вас эти сковородки стоят?

- Двадцать четыре пятьдесят, сэр. Вам завернуть?
- Ого!
- Есть дешевле, из одного алюминия.
- Нет-нет. – Мэтт достал бумажник. – Дайте мне чек и пакет.

Продавец снял с крючка сковородку.

- Не нужно. Только чек и пакет.
- Но, сэр...
- Не спорьте. Сделайте, как я прошу.

Продавец выбил чек, бросил его в пакет и растерянно вручил Мэтту.

- Что-нибудь еще, сэр?
- Надеюсь, что нет. – Мэтт заторопился обратно, чувствуя спиной недоумевающий взгляд.

Эбби ждала там, где он ее оставил.

- Клади сюда свою сковородку.
- Это вы умно придумали!
- Да уж. – Он схватил ее за локоть и потащил наверх.
- Не знала, что на свете есть столько платьев, – прошептала она, рагладывая вешалки.

Мэтт отвел в сторону подошедшую к ним продавщицу.

– Я попрошу вас свести эту девушку в салон красоты и сделать все, что положено. Стрижка – только без перманента, – шампунь, лицо, брови, макияж. Потом ее надо будет одеть, обуть, белье подобрать и все прочее. Сделаете?

- О таких заказах можно только мечтать, – улыбнулась женщина.

Мэтт, заглянув в бумажник, извлек два дорожных чека по пятьсот долларов – без них у него до конца лета останется всего триста.

– Постарайтесь удержаться в этих пределах, если возможно, – вздохнул он, подписывая их.

- Да, сэр. Это невеста ваша?
- Боже упаси! Племянница. Подарки на день рождения. Ступай с этой женщиной, Эбби, и во всем ее слушайся.

– Да, мистер Райт, – сказала она и ушла с тем же замороженным лицом. Мэтту сделалось тошно.

Время тянулось бесконечно. После книжного с весьма небогатым выбором Мэтт забрел в отдел нижнего белья, о чем тут же и пожалел. Вид у него, вероятно, был не менее глупый, чем у женщины, ненароком зашедшей в бильярдную. Набравшись храбрости, он подошел к прилавку.

- Чем могу вам помочь, сэр? – весело спросила девушка-продавщица.
- Хочу купить пеньюар, – не глядя ей в глаза, сказал Мэтт.
- Какого размера?

Мэтт начал было показывать и тут же опустил руки.

- Рост примерно пять футов. Стройная.
- Желаете какой-то определенный цвет?
- Черный, – просипел он.

Девушка выложила на прилавок нечто черное, прозрачное и все в кружевах.

- Девяносто девять девяносто восемь.
- Очень уж... черно, – сказал Мэтт.
- Могу предложить другие модели.

– Не надо, заверните эту. – Мэтт расплатился и вышел весь в поту, со свертком под мышкой. После ухода Эбби прошел целый час. Он уложил покупку на заднем сиденье, бросил еще никель в парковочный счетчик. Опять прогулялся по универмагу, купил себе сигареты.

Два часа. Мэтт снова подкормил счетчик и посидел на красном кожаном кресле в отделе мебели, делая вид, что хочет его купить.

Три часа. Опять счетчик, и поесть бы неплохо. Мэтт вернулся на то же кресло, чтобы следить за лестницей.

Женщины сновали туда-сюда, но Эбби среди них не было. Что, если ее поймали при попытке стащить что-то еще? Он старался не смотреть наверх, помня, что котелок, на который смотришь, не закипает. Никогда больше он не пойдет с женщиной за покупками. Куда она, к черту, делась?

- Мистер Райт... – произнес тихий дрожащий голос.

Рядом стояла сногсшибательная блондинка. Короткие, подогнутые на концах волосы обрамляли красивое лицо, простое черное платье с низким вырезом облегло восхитительную фигуру. Образ довершали длинные стройные ноги в тонких чулках и черных туфельках с высоченными каблуками.

- Боже, Эбби! Что они с тобой сделали?
- Вам не нравится? – погрузнела она.
- Нет, все чудесно, но зачем было красить волосы?
- Это просто ополаскиватель – так сказала та женщина, – заулыбалась Эбби. – Говорит, это мой натуральный цвет, только голову надо почаще мыть – и не хозяйственным мылом. Сколько же всего девушке надо делать с лицом, а я и не знала. Век живи, век учись.

Мэтт тупо смотрел на щебечущую Эбби. И с этой-то девушкой он ночевал в одной хижине? Это она готовила ему еду и штопала дырки в его карманах? Это ее он держал в объятиях и слышал, как она говорит: «Я б, наверно, была не прочь, если б вы чего-то еще захотели»?

Вряд ли он сможет вести себя с ней так, как раньше. Он, конечно, ожидал перемены, но не такой разительной. Как уверенно она держится в этом платье, и на шпильках словно всю жизнь ходила. Можно подумать, она родилась красавицей... Впрочем, Эбби всегда везло.

– Это сдача, возьмите. – Она достала из маленькой черной сумочки пять долларов и двадцать один цент.

– Вот что могут деньги, – усмехнулся Мэтт, зажав сдачу в руке. – У тебя все есть, что нужно? – Он забрал у нее сверток со старой одеждой и обувью, но пакет со сковородкой Эбби не отдала.

– Это я не стала надевать, неудобно. – Она вытащила за лямку из сумочки прозрачную черную штучку.

- Спрячь. – Мэтт, нервно поглядев по сторонам, защелкнул замок. – Есть хочешь?
- Лошадь бы съела!

Мэтт фыркнул, услышав это из уст прелестной блондинки.

- Я что-то не так сказала? – расстроилась Эбби.
- Нет, все в порядке. – Он повел ее к двери.
- Вы говорите, если что. Я так много всего не знаю.

Самый дорогой в Спрингфилде ресторан имел романтический интерьер с приглушенным светом, тихой музыкой из динамиков и говорящими вполголоса официантами, но Мэтт его выбрал из-за морепродуктов, которых Эбби ни разу не пробовала.

Он заказал креветочный коктейль и другие закуски, салат рокфор от шефа, шейки омаров с топленым маслом, картофель фри, брокколи с сырным соусом, замороженные эклеры и кофе. Эбби вкушала все с трепетом, словно боясь, как бы сказочные яства не исчезли вдруг со стола.

Мужчины за другими столиками смотрели на нее с восхищением, но она как будто не замечала.

– Это он все настряпал? – спросила она, подразумевая официанта. Мэтт кивнул. – Хорошо готовит, – признала Эбби.

– Попробуй сдвинуть кофейную чашку, – попросил Мэтт.

Она попыталась.

– Не могу, мистер Райт. Изо всех сил стараюсь, и ничего. Я бы все для вас сделала, да вот не выходит.

– Ничего страшного, – улыбнулся он. – Я просто хотел посмотреть, сможешь ли ты.

Следующим номером программы был коктейль-холл с музыкальным автоматом и танц-площадкой. Эбби пригубила заказанный Мэттом напиток, поморщилась и больше не стала пить.

Танцевала она легко и грациозно на своих шпильках. Доставая благодаря им Мэтту до подбородка, она прислонилась головой к его плечу, закрыла глаза. Мэтт тоже на время расслабился, позволив себе после вкусного обеда насладиться танцем с красивой девушкой, но Эбби, похоже, пребывала в каком-то персональном раю, куда пробралась украдкой и боялась вымолвить слово, чтобы чары не рухнули.

По дороге домой она один-единственный раз прервала молчание:

– В городе всегда так живут?

– Только те, у кого много денег.

– И не надо, – кивнула Эбби. – Каждый день так не должно быть.

Подъехав к хижине, Мэтт достал с заднего сиденья свою покупку.

– Что это?

– Разверни.

Она поднесла черные кружева к лунному свету и прошептала, блестя глазами:

– Подождите здесь минуточку, хорошо?

– Ладно. – Мэтт, ненавидя себя, закурил на веранде.

– Заходите, мистер Райт, – вскоре позвала Эбби.

Он открыл дверь и застыл на пороге. Эбби при свете одинокой керосиновой лампы, аккуратно сложив на стуле все новое, просвечивала сквозь пеньюар бело-розовой наготой. Она стояла, потупив глаза, щеки ее пылали.

В следующий миг она легко подбежала к Мэтту, обняла его за шею, крепко поцеловала в губы.

– Как еще девушке отблагодарить мужчину за такой чудесный день? За подарки, за обед и за танцы. Вы были такой милый – не думала я, что со мной такое может случиться. И ничего в этом нет плохого, если кто тебе по-настоящему нравится, вот как вы. Я рада, что вы из меня красавицу сделали. Если я смогу сделать вас счастливым хоть ненадолго...

Мэтт с гнетущим чувством снял ее руки со своей шеи.

– Ты не поняла, извини. Произошло досадное недоразумение... не знаю, простишь ли ты. Все эти вещи, и пеньюар тоже, предназначены для другой девушки, для моей невесты. Размер у вас одинаковый, вот я и подумал...

Больше говорить ничего не понадобилось. Эбби съежилась, как маленькая девочка, получившая в момент наивысшей радости пощечину от того, кому доверяла.

– Ничего, – пролепетала она. – Спасибо, что дали поверить, будто это все для меня. Никогда этот день не забуду.

Она ушла на свою занавешенную койку и прорыдала всю ночь. Мэтт тоже не спал, хотя плакала она тихо и ему приходилось напрягаться, чтобы услышать.

С завтраком произошло что-то непонятное – все будто бы то же самое, а вкус не тот. Мэтт жевал машинально, избегая смотреть на Эбби. Это было нетрудно: она как будто стала еще меньше и не поднимала глаз от стола. Платье на ней было старое, бумазейное, косметику она отмыла с лица, даже белокурые волосы словно померкли.

Мэтт, несколько раз открыв рот, откашлялся и спросил:

– А где твоя новая сковородка?

Она впервые взглянула на него затуманенными глазами.

– Убрала. Отдать вам?

– Нет, я просто так спросил.

Молчание снова опустилось на них, как мокрое одеяло. Пока Эбби убирала со стола и мыла посуду, Мэтт без передышки курил.

– Хотите, чтобы я снова вещи двигала? – спросила она, закончив. – Сегодня хорошо должно получиться.

Мэтт впервые заметил, что все новые покупки завернуты и сложены в угол.

– Откуда ты знаешь, что я хочу этого?

– Просто чувствую.

– Но ты не против?

– Нет, с чего бы. – Она села на стул. – Вот, смотрите.

Стол между ними взлетел, покружился, постоял на одной ножке и грохнулся набок.

– Что ощущаешь? Можешь ли контролировать свою силу? Целенаправленно действовала или случайно?

– Я вроде как рукой его двигала, но не знала, что дальше сделаю.

– Поставь его снова, как было. – Стол дернулся. – Не спеши, понемножку. Да, вот так, поддержи его в воздухе, а потом опусти. – Стол легко, как перышко, встал на пол всеми четырьмя ножками. – Запомни свои ощущения и подними его вот досюда...

Через час Эбби научилась по желанию поднимать стол на дюйм или запускать, как ракету, под потолок. Заставляла его балансировать на одной ножке и крутиться волчком.

Расстояние, по-видимому, значения не имело. Она могла проделывать это из любой точки комнаты, снаружи и даже с нескольких сотен ярдов, пройденных по дороге.

– Откуда ты знаешь, где сейчас стол и в каком положении он находится? – допытывался Мэтт.

– Чувствую, – пожимала плечами Эбби.

– Как именно? Видишь ты его? Ощущаешь? Если бы мы могли вычленить это чувство...

– Вижу и ощущаю, но не только. Голова что-то болит, мистер Райт, мне бы прилечь.

Она легла, повернувшись к стене, но Мэтт знал, что она не спит. Ланч она готовить не стала; он открыл банку с супом и предложил ей.

– Нет, мистер Райт, спасибо. Я не голодная.

– Не голодна, – поправил он. Она промолчала.

Вечером Эбби сползла с койки и приготовила ужин, но почти ничего не ела. Помыла посуду, опять легла и занавесилась одеялом.

Утром ее аппетит не улучшился и вид был усталый, как будто она совсем не спала. Мэтт, решив не обращать на это внимания, возобновил опыты.

Через несколько минут Эбби стала управлять столом лучше прежнего.

– Давай определим источник, – сказал Мэтт. – Заставь его двигаться одной головой, мысленно.

Через полчаса он записал следующее:

Только сознание – отр.

Только физические усилия – отр.

Только эмоции – отр.

Все это было очень неопределенно. Требовались дни и месяцы опытов, чтобы мозг научился действовать без симпатического напряжения мышц, а тело – отключать сознание и эмоции. Мэтт, однако, был уверен, что для телекинеза нужны все три фактора плюс еще что-то, чего Эбби описать не умела. Если одно из трех, сознательно или бессознательно, переставало работать, Эбби и хлебной крошки не могла с места сдвинуть.

Два фактора поддавались контролю, третий являлся продуктом среды и обстоятельств: нужно, чтобы Эбби была несчастна.

Мэтт увеличил число предметов до двух. Чашка с кофе выполнила, не пролив ни капли, двойное сальто и опустилась на блюдце, взмывшее ей навстречу. Мэтт взял ее, отпил глоток и поставил обратно – блюдце не шелохнулось.

Вскоре обнаружился и предел: Эбби могла управлять одновременно тремя разнородными предметами любого размера, пятью однородными и заставляла плясать в воздухе шесть хлебных шариков. Практика, возможно, могла эти результаты улучшить.

– Как фокусник ты заработала бы целое состояние! – восхищался Мэтт.

– Да? – безразлично проронила она и после полуторачасового сеанса опять легла.

Латентная телекинетическая энергия многое объясняет, размышлял Мэтт. И полтергейст, и более сознательные формы телекинеза: левитацию, индийский фокус с веревкой, всевозможные штучки восточных мистиков.

Остаток дня он составлял таблицу, занося в нее точное время, действия Эбби, вид и приблизительный вес предметов. Получился полный анамнез – за исключением того главного, что он не осмелился изложить на бумаге.

Поглядывая на Эбби, он только теперь начинал понимать, какой громадный потенциал заключен внутри этой хрупкой фигурки. Осознание этого граничило со страхом. Какую же роль в этом деле он отводит себе? Феей-крестной он пробыл недолго. Пигмалион? Пандора, открывающая свой ящик? Скорей уж доктор Франкенштейн, невесело усмехнулся Мэтт.

В этот день Эбби уже не вставала и отказывалась от еды, которую приносил ей Мэтт. Когда она поднялась наутро, он испугался.

И раньше тоненькая, она превратилась в настоящий скелет и постарела лет на двадцать. Тусклые волосы висели безжизненно. Мэтт, уже приготовивший завтрак, уговаривал ее поесть хоть немножко.

– Ни к чему это, – отложив вилку, сказала она.

– Может, ты заболела? Давай съездим к доктору.

– Это никакой доктор не вылечит.

В это утро сквозь Мэтта прошла банка с пекарским порошком. Сначала они перебрасывались ею на разной скорости – Мэтт ее ловил, а Эбби возвращала назад. Потом Эбби пустила ее слишком быстро, и Мэтт, напрягшись в ожидании удара, увидел, как она входит в него.

Эбби испуганно раскрыла глаза, Мэтт схватился за грудь, банка разбилась о стену сзади.

– Она вошла в меня и прошла навывлет, – бормотал Мэтт. – Я это видел, но ничего не почувствовал. Как ты это сделала, Эбби?

– Не могла остановить ее и пожелала, чтоб ее вовсе там не было. Ну и вот.

Так они узнали, что Эбби владеет еще и телепортацией. Это было не сложнее телекинеза. Она протаскивала предметы сквозь стены без всякого вреда для тех и других. Крупные, мелкие – разницы никакой. Расстояние опять-таки не играло роли.

– А если живое что-нибудь? – спросил Мэтт.

Эбби сосредоточилась, и на столе появилась бурая мышь-полевка. Помедлила, испуганно дергая усиками, и побежала по столу прямо к Эбби.

Девушка взвизгнула, мышь исчезла. Эбби воспарила ввысь, как колибри, и медленно опустилась на стул.

– Значит, на людей тоже действует, – прошептал пораженный Мэтт. – Попробуй теперь на мне.

В следующий момент ему показалось, что он ступил за край пропасти. Его затошнило. Он медленно вращался в двух футах над стулом. Эбби, только что вплывшая в его поле зрения, заметно повеселела.

– Хватит! – крикнул Мэтт, крутясь все быстрее. Секунду спустя он хлопнулся на стул и вскочил, потирая зад. – Ты это нарочно!

– Что сказали, то я и сделала, – с невинным видом ответила Эбби.

– Ладно. Больше меня в подопытные кролики не заманишь.

– Что дальше делать?

– То же самое, но с собой.

– Хорошо, мистер Райт. – Эбби поднялась в воздух, вытянулась горизонтально и поплыла вокруг комнаты. – Ой, как здорово! – Мэтту уже приходилось видеть нечто подобное – фокусник пропускал ассистентку через обручи, показывая, что она ни на чем не подвешена, – но здесь была не иллюзия, а реальность. – А теперь что? – Эбби слетела вниз. – Мне кажется, я все что угодно могу!

– Попробуй переместиться в другое место.

– Куда?

– Да все равно, не важно.

– Все равно, значит? – повторила с загадочным выражением Эбби – и вдруг пропала.

Мэтт, зачем-то обыскав хижину, вышел наружу. Полуденное солнце заливало все ярким светом.

– Эбби! – позвал он. Ему ответило эхо. Побродив вокруг хижины минут пять, он вернулся в дом. Куда же она девалась? Не застряла ли в каком-то ином измерении, где ее энергия не работает? Этим, возможно, и объясняется телепортация: есть четвертое измерение, кратчайший путь через наши три. Что, если Эбби погибла? Ну что ж – это, пожалуй, было бы для нее наиболее милосердным.

Совість, подкравшись незаметно, нанесла свой удар. Как он мог принести чью-то жизнь в жертву своим амбициям? Как мог покуситься на законы самой вселенной? Он оправдывал себя тем, что действует во имя науки, но ведь это неправда. У него был совершенно другой мотив, причем плохо замаскированный: он хотел перевернуть всю систему мироздания, пользуясь истиной как дубинкой, и вместо него за это поплатилась простая невинная девушка.

Цель не может оправдать средства, осознал Мэтт. То и другое слишком плотно переплетено, чтобы быть разделенным. Средства неизбежно приводят к тому или иному концу. Если вдуматься, средства суть бесконечная серия концов, а концы – бесконечная серия средств...

И тут перед ним, словно джинн – с подносом даров, распространяющим восхитительный аромат, – явилась сияющая, румяная Эбби. У Мэтта точно камень с души свалился.

– Эбби! Где ты была?

– В Спрингфилде.

– До него же пятьдесят миль!

– Ну и что с того. – Она водрузила поднос на стол: креветочный коктейль, шейки омаров, картофель фри... – Я, похоже, проголодалась.

– Из ресторана взяла, – с укором произнес Мэтт.

– Ну да. Что-то есть захотелось.

– Опять кража... – Мэтт с ужасом понял, что он выпустил в мир. Ничто теперь не будет в сохранности – ни деньги, ни драгоценности, ни сверхсекретная информация.

– Ничего, небось не хватятся. Да меня и не видал никто, – выложила козырной аргумент Эбби.

А ведь она совершенно аморальна в том, что касается ее основных потребностей. Есть только одна надежда: не говорить ей о ее преступном потенциале, сама она вряд ли додумается.

– Ну и хорошо, – сказал Мэтт.

Эбби теперь уплетала за обе щеки, а у него аппетит пропал. Ну хоть с голоду не умрет, и на том спасибо.

– Трудно тебе было взять еду так, чтобы никто не заметил? – спросил он.

– Главное было повара убрать с кухни.

– Так ты его видела?

– Я была снаружи, но кухню видела, да. Ну и позвала, значит: «Альберт!» Он вышел, я зашла, схватила поднос с едой и обратно сюда. Легче легкого, он ведь ждал, что его позовут.

– Откуда ты это знала?

– Видела у себя в голове. Вот так. – Эбби сосредоточилась.

Мэтт не сразу понял, о чем она. Неужели еще и это? Она ни в коем случае не должна знать, что он думает, а крамольные мысли, как назло, так и лезут вверх!

Да, это телепатия. Можно не сомневаться.

Глаза Эбби недоверчиво раскрылись, лицо застыло, как маска.

Эбби! Его милая, добрая Эбби!

– Да ты просто дьявол! – выдохнула она. – Знаешь, что полагается за такое?

Я покойник, подумал Мэтт.

– А еще городской, образованный. Добренький. Как ты мог? Понял, что нравишься мне, да и задурил голову деревенской девке. Чего уж проще: подержал за ручку при луне, поцеловал разок, она и готова в постель с тобой лечь. Да только тебе не того надо было. А что платье новое мне купил да прическу велел сделать, так это сплошной обман. Умысел у тебя такой был: сделать меня счастливой, а потом все разом отнять. Лучше б ты меня по лицу ударил! Размечталась, дурочка, что ты на мне женишься. Я умереть хотела потом! Па и тот такой подлости сроду бы не придумал.

Белый как полотно Мэтт молча слушал ее.

– Думал, что потом сможешь мне зубы заговорить, и я все забуду. Ошибка, мол, вышла, извиняй, Эбби. Да только не выйдет у тебя ничего! Я теперь все знаю, об чем ты думаешь.

И о чем же он думает? Не мелькнула ли у него, хоть мимолетно, мысль о женитьбе? Нет, только не это. Всеведущая, всемогущая жена, которую не обманешь, не умаслишь, не выставишь вон, не заставишь молчать. Жена, способная вмиг разгромить квартиру и метнуть прямо в цель тарелку, стул, молочную бутылку, корову. Оказывающаяся при малейшем подозрении где угодно. Жена, которая видит сквозь стены, читает мысли и может обеспечить тебе головную боль, перелом, ревматизм и прочее. Ад крошечный... да что там ад. Все муки грешников пустяки по сравнению с этим.

– Зря волнуешься, – вскинула подбородок Эбби, – я раньше за гремучего змея пойду. Он хоть предупреждает, допрежь чем напасть.

– Так убей меня! – выпалил Мэтт. – Убей разом, как змея убивает!

– Больно легко отделаться хочешь, – улыбнулась она. – Я пока не знаю, как тебя наказать, но ничего, придумаю что-нибудь. А теперь пошел вон!

И Мэтт как-то сразу оказался за дверью, шурясь на заходящее солнце. Сел на крыльцо, закурил. Должен быть какой-то выход. Выход всегда есть.

В хижине журчала вода – неужто из крана? Мэтт подавил желание пойти посмотреть: уж очень решительно прогнала его Эбби. Она запела что-то красивым сопрано. Мэтт, похолодев

от одной лишь мелодии, расслышал слова: «И трижды выстрелила она прямо сквозь толстую дверь. Изменщик он был...»

Мэтт вытер дрожащей рукой потный лоб. Температура у него, что ли? Нельзя так, надо собраться, подумать. Да что тут думать: он поступил жестоко, и нет ему оправдания. Теперь та, которой он причинил зло, может отомстить ему как пожелает. Вопрос лишь в том, как. Если он догадается, то, возможно, сумеет этого избежать. Не станет он покорно ждать кары.

Есть, впрочем, одно затрудненьице: как только он что-то придумает, Эбби будет предупреждена – а вооружена она и так уже до зубов. С думами надо завязывать.

Легко сказать. Как можно вообще ни о чем не думать? Не думай! Не думай, черт тебя побери!

Он мог бы придумать хороший, прямо-таки безупречный план, да нельзя. Круг замкнулся. Есть только один ш...

Был у Мэри ягненок (расслабься!), белый как снег (не думай!), он ходил за ней по пятам (действуй по ситуации!)...

– Ну что, мистер Райт, готовы?

Мэтт вздрогнул, увидев рядом пару черных замшевых туфелек. Выше следовали ноги в нейлоне, соблазнительно облегающее черное платье, красные губы, голубые глаза и шапка светлых волос.

Даже под стрессом он не мог не признать, что Эбби красива. Жаль, что все остальное в ней так ужасно.

– Твоя невеста возражать не будет, поскольку у тебя ее нет, – прощепетала она. – Готов?

– К чему? – Мэтт окинул взглядом свой будничный, не слишком чистый наряд.

– Сейчас увидишь.

Тошнота и головокружение накатили разом. Снова открыв глаза, Мэтт увидел себя на танцплощадке в спрингфилдском коктейль-холле.

– Танцуй, – приказала Эбби, положив руку ему на плечо.

Он подчинился. Люди смотрели на них так, будто они только что провалились через дыру в потолке – может, как раз это они и сделали. Две другие пары прервали танец, посетители у стойки оборачивались, официант в белом пиджаке решительно шел к Мэтту с Эбби.

Она не обращала на это никакого внимания. Музыкальный ящик в радужных огоньках наяривал что-то воспринимаемое Мэттом на подсознательном уровне.

Официант тронул Мэтта за плечо. Тот облегченно вздохнул и притормозил было, но Эбби не останавливалась, и Мэтт продолжал двигаться вместе с ней, как кукла или частично парализованный.

– Послушайте! – растерялся официант. – Не знаю, откуда вы взялись и что, по-вашему, вытворяете, но я вас попрошу перестать. Прежде всего, вы не так одеты.

– Н-не могу я п-перестать, – проговорил Мэтт в такт музыке.

– Очень даже можете. – Официант следовал за ними, не отставая. – Человек всегда может прекратить то, что делает. По-моему, вы сами не прочь.

– Я-то д-да, – сказал Мэтт и шепнул Эбби: – Остановись!

– Скажи, чтобы он ушел, – прошептала она в ответ.

– Уйдите, пожалуйста, – сказал Мэтт, продолжая танцевать – он боялся, что иначе развалится на куски.

– Это вы мне? Сами уходите, и быстро...

– Пожалуйста, – взмолился Мэтт, чувствуя, как напряглась Эбби.

– Не хотелось бы применять силу, но какие-то правила мы должны соблюдать. – Официант взял Мэтта за локоть. – Уйдите по-хорошему, не то...

В следующий момент он исчез и обнаружился на музыкальном ящике. На белом пиджаке и бледной физиономии играли радужные огни.

Совершив очередной круг, Мэтт заметил, что он слез с автомата и собрал подкрепление. Теперь он приближался в сопровождении другого официанта, бармена с тяжелой челюстью и щекастого бульдога без униформы, не иначе как менеджера.

Боевой отряд окружил танцующих.

– Не знаю, что у вас за игра, но мы в нее не играем, – проворчал бульдог. – Если не уберетесь прямо сейчас, пожалеете.

Мэтт, веря ему, попытался остановиться и опять не сумел.

– Н-не могу. Не в-видите, что ли: я п-перестал бы, да не м-могу!

Бульдог оглядел его выпученными, налитыми кровью глазами.

– Ничего, мы поможем. Выкиньте их отсюда, ребята.

– Осторожно, – нервно сказал первый официант. – Кто-то из них владеет хитрым приемчиком.

Эбби опять напряглась и стала убирать их одного за другим, точно свечки задувала. Разместившись на автомате вчетвером, друг у друга на коленях – тотемный шест, да и только, – они посыпались на пол с таким грохотом, что даже музыку заглушили.

Бармен, потирая нос, ринулся было к танцплощадке, но менеджер, самый хитрый, его удержал. Они посовещались, поглядывая на Мэтта и Эбби, и первый официант отважно выключил автомат. Музыка смолкла, огни погасли, но враг восторжествовать не успел: все тут же включилось снова.

Менеджер свирепо выдернул шнур из розетки. Шнур зашевелился, принял вертикальное положение, покачался наподобие кобры и напал. Менеджер отскочил, штепсель вонзился в пол, вся четверка ретировалась. Шнур презрительно вернулся в розетку.

Музыка зазвучала опять. Мэтт топтался на свинцовых ногах, вспоминая сказку про красные башмачки, Эбби оставалась свежей и полной сил.

Повернувшись в очередной раз лицом к ящику, Мэтт увидел, что готовится новое наступление: менеджер, подкравшись к автомату с топориком, который дал ему бармен, рубанул по шнуру. Шнур отпрыгнул и захлестнул мертвой петлей ногу менеджера. Тот заорал, начал рубить почем зря и наконец перерубил провод. Автомат погас, шнур в агонии корчился на полу.

Вместе с музыкой остановилась и Эбби.

– Пойдем отсюда, – попросил Мэтт, еле держась на ногах.

– Нет, посидим еще. – Она подвела его к столику, внезапно опустевшему, как и все заведение. – Тебе надо выпить.

– Давай лучше уйдем.

Но Эбби уже подзывала официанта. Тот опасливо подошел, и Мэтт под вопросительным взглядом Эбби промямлил:

– Скотч. Чистый.

Официант вернулся с бутылкой и двумя стаканами на подносе.

– Босс велел вперед получить.

Мэтт порылся в карманах. Менеджер стоял у стены, скрестив руки, и не сводил с него глаз.

– У меня нет с собой денег.

– Ничего, – вмешалась Эбби. – Ставьте сюда.

– Нет, мэм... – начал официант, но поднос сам собой опустился на стол, и он попятился прочь.

– Я, наверно, плохая дочь, – сказала Эбби, задумчиво взявшись за подбородок. – Па здесь понравилось бы.

– Не делай этого, – всполошился Мэтт. – Мало у нас хлопот...

Но Дженкинс, моргая и разя перегаром, уже угнезвился на третьем стуле. Мэтт поспешно плеснул в стакан виски и выпил залпом. Алкоголь обжег горло, но больше Мэтт ничегошеньки не почувствовал и увидел, что стакан по-прежнему полон.

Дженкинс опомнился и понял, что дело плохо.

– Ты чего тут делаешь, Эб? И при параде вся. Подцепила парня с деньгами?

Эбби оставила вопрос без внимания.

– Если я о чем-то тебя попрошу, ты сделаешь?

– Само собой. Все что хошь. – Дженкинс присосался к бутылке, она забулькала.

Янтарная жидкость убавлялась исправно. Когда Дженкинс поставил бутылку и утер бороду, виски стало наполовину меньше, но напиток из стакана все так же отказывался проникать в Мэтта.

– Если я попрошу стукнуть мистера Райта по носу, стукнешь?

– А то. – Дженкинс сжал кулак. Борода мешала разглядеть его лицо – возможно, и к лучшему. – Мою девочку обижать? Слушай, Эб, что-то неважнецки он выглядит. Прямо-таки и врезать ему?

– Не сейчас, но держи это в голове.

Мэтт расслабился и снова попытался опрокинуть в себя стакан – безуспешно. Ему вспомнились танталовы муки.

– А вот и копы! – взревел вдруг Дженкинс, поднявшись с бутылкой в руке. В зал вошли трое полицейских во главе с барменом.

– Только с законом не связывайся, – умоляюще сказал Мэтт.

Эбби зевнула.

– Что-то устала я. Никак уже полночь.

Дженкинс ринулся на полицейских, как бык. Потом все пропало, и Мэтт с Эбби опять очутились в хижине.

– А как же твой отец?

– Па, кроме выпивки, больше всего драться любит. Все, я спать пошла. – Она скинула туфли, легла, занавесилась одеялом.

Мэтт медленно пошел к своей койке. Был у Мэри ягненок. Сбросил туфли на пол. Белый как снег. Поправил занавеску, пошуршал и улегся не раздеваясь. Он ходил за ней. Полежал, слушая, как ровно дышит Эбби на другой койке. По пятам.

По прошествии двух мучительных часов Мэтт осторожно сел, взял туфли и на цыпочках, дюйм за дюймом, двинулся к двери. Приоткрыл ее на фут, протиснулся, снова закрыл.

На веранде скрипнула половица. Мэтт замер, подождал и заковылял, не смея обуться, по гравию.

Вот и машина. Мэтт, благословляя крутой спуск, сел, отпустил тормоз, выжал сцепление. «Форд», как призрак при луне, покатился, набирая скорость, под горку. После трудного поворота Мэтт включил фары и бесшумно притворил дверцу. Проехав так около мили, он запустил мотор.

Бежать!

Серый, уже душный рассвет застал Мэтта на заправочной станции. Кроваво-красное солнце, заглянув в пыльное, заляпанное мошкаркой лобовое стекло, увидело небритого молодого человека в грязной рубашке и брюках, с воспаленными от недосыпа глазами.

Мэтту, опьяненному свободой, было все равно, как он выглядит.

Что это, Фэйр-Плей или Хьюмансвилл? Он слишком устал и проголодался, чтобы задумываться.

Можно резонно предположить, что Эбби, не зная, где он, его не найдет и не сможет сама телепортироваться туда, где не была раньше. В прошлый раз она навестила уже знакомые ей места в Спрингфилде, отца перенесла из родимой хибары, Мэтта вернула в хижину, где жила.

Хижина! Вместе с сонным заправщиком к Мэтту пришло осознание, что все его деньги остались там вместе с одеждой, пишущей машинкой и папками.

Нашупав что-то в кармане брюк, он вытащил оттуда бумажник. Четыре доллара наличными, триста в дорожных чеках.

– Полный бак, – сказал Мэтт.

Когда же он успел взять бумажник? Может, тот все время лежал в кармане? Мэтт мог бы поклясться, что в коктейль-холле его не было, и смутно припоминал, что оставил его в пиджаке. От неуверенности – а может, от голода – ему стало не по себе. К похищенным Эбби деликатесам он вчера почти не притронулся.

– Где тут можно прилично поесть? – спросил он, получая сдачу.

– Грузовики видите? – показал заправщик, старикан в комбинезоне. – Обычно, когда они стоят у кафе, можно не сомневаться, что кормят там вкусно, но здесь это не показатель. Кормежка паршивая, зато достопримечательность имеется, Лолой звать. В других местах все равно закрыто еще, – крикнул старик, когда Мэтт отъехал.

Мэтт припарковался рядом с одной из фур. Лола, значит? Нет уж, хватит с него женщин в ближайшем будущем.

Длинную стойку в кафе-вагончике целиком занимали шоферы в легких рубашках. Они пили кофе, курили и флиртовали с раздатчицей. Мэтт сел за столик в кабинке, и девушка, нехотя оставив поклонников, подошла. Жгучая брюнетка с короткой стрижкой, она была уверена в своих чарах. Бедро покачивались, карие глаза на загорелом лице улыбались. Юбка и блузка с низким вырезом круглились как раз там, где надо. Скоро она растолстеет, но сейчас в самой поре – только и ждет, чтобы ее сорвали. В этом городишке она, судя по всему, недолго задержится. Поставив на столик стакан воды, она продемонстрировала свое декольте.

– Что будете?

Мэтт слотнул.

– Пару булочек с сосисками.

– Сделай пару хот-догов, – крикнула девушка и поплыла назад, оглянувшись через плечо. – Кофе?

Мэтт кивнул и улыбнулся слегка. Привлекательная девушка, спору нет. В другой бы раз...

– Ой! – вскрикнула вдруг она, потирая свой пышный задик, и погрозила Мэтту пальчиком. – Ишь, шалун! – С ума сошла, что ли? Мужики у стойки тоже оглядывались на Мэтта.

Только теперь поняв, как хочет пить, он осушил весь стакан, но жажда ничуть не уменьшилась.

Лола уже несла ему кофе, балансируя чашкой на блюдце. У самого столика она вдруг споткнулась на ровном месте и вылила все прямо Мэтту на грудь.

Он вскочил, ругаясь, отклеивая горячую рубашку от тела. Лола схватила бумажные салфетки и стала его промокать.

– Ой, прости, миленький! Не пойму, как меня угораздило. – От нее пахло гардений.

– Ничего, бывает. – Мэтт отстранился. – Уже не так горячо.

Шоферы наблюдали за ними кто мрачно, кто с завистью.

– Меня можешь не поливать, Лола, – заржал один, – я и так на точке кипения.

– Да заткнись уже! Милочка, ты в порядке?

– Да, да. Главное, поесть принесите. – Бывает, конечно, всякое... Мэтт украдкой огляделся: единственной женщиной в кафе была Лола.

Он еще ни разу не видел скользких хот-догов, но эти так ерзали по тарелке, что Лола, стараясь их донести, забыла про бедра. Глаза у нее широко раскрылись, рот образовал красную букву О, лоб наморщился. Сосиски связались воедино и прыгнули ей за вырез.

Лола взвизгнула и начала шарить там, придерживая другой рукой булочки, но они тоже улепетнули с тарелки и надавали плюх дальнобойщику.

– Это кто тут такой шутник? – взревел он и рванул к Мэтту. Мэтт хотел встать, но столик не пустил его, упершись в живот. Он вскочил на сиденье. Булки срикошетили к другому шоферу, который тоже взбесился.

Сосиски, извлеченные наконец Лолой, угодили прямо в рот атакующему, и он застыл на месте, давась.

У Мэтта над головой разбилась о стену чашка. Если перелезть через боковину, можно добраться до двери, прикинул он. Лола, видя вокруг злые лица и широченные плечи, обхватила его за колени.

– Спаси меня!

Снаряды так и свистели в воздухе. Пока Мэтт отцеплял Лолу, его противник выплюнул сосиски и замахнулся. Мэтт беспомощно отшатнулся назад, но кулак каким-то образом прошел мимо и выбил окно.

Мэтт, висая на перегородке, закрыл глаза и покорился судьбе.

Рядом прозвенел смех, подобный серебряным колокольчикам, и Мэтт очутился снаружи с лоскутом от Лолиной блузки в руке. Бедная Лола, девушкам прямо-таки фатально с ним не везет.

В кафе билась посуда и слышались глухие удары. Скоро они сообразят, что его там нет.

Мэтт добежал до машины, завел ее, выехал на шоссе и помчался вперед на шестидесяти милях.

Оглянувшись на поле сражения, он чуть не съехал в кювет: на заднем сиденье лежала его одежда, пишущая машинка и папки.

Остановился он только в Клинтоне, чувствуя себя лучше морально и значительно хуже физически. По дороге он выкупался в ручье, переделся, кое-как побрился холодной водой, но бессонная ночь и сутки без еды начинали сказываться.

Ничего, он потерпит. Все лучше, чем Эбби. То, что его багаж оказался в машине, можно объяснить очень просто: Эбби догадывалась, что он хочет уехать, и сменила гнев на милость – ведь в глубине души она добрая. Плохо только, что он в это не верит.

Ладно, есть дела поважнее – например, деньги. Бензин на исходе, и поесть наконец пора. Уже одиннадцать, банк на углу должен быть открыт. Там ему без проблем обналичат чек.

При всем при том Мэтту почему-то было не по себе.

Поставив на чеке вторую подпись, он подал его в окошко кассиру, лысому человечку с тощими усиками. Кассир, сравнив подписи, отсчитал четыре двадцатки, десятку, пятерку и пять долларовых бумажек.

– Пожалуйста, сэр.

Мэтт, принимая деньги, в ужасе выпучил глаза: упаковка двадцатидолларовых банкнот спорхнула с полки и медленно переваливала через стеклянную загородку кассы.

– Что с вами, сэр? Плохо себя почувствовали?

– Нет, все в порядке, – пробормотал Мэтт, отходя от окошка.

– Вы уверены? У вас больной вид.

Что-то протискивалось в карман его пиджака. Пустой желудок скрутило узлом от этого ощущения. Мэтт пригнулся, кассир высунулся.

– Вот... вы, кажется, обронили, – сказал Мэтт, протягивая ему пачку денег.

Кассир посмотрел на полку, потом на пачку.

– Не понимаю как, но спасибо! В жизни бы не подумал...

– Странно, правда? – Мэтт просунул деньги под решетку. – И вам спасибо. – Он убрал руку, но деньги точно прилипли к ней. – Простите... не отцепляются.

– Любопытно. – Кассир, больше не улыбаясь, взял пачку за другой край. – Все, отпускайте.

– Не могу, – тяжело дыша, сказал Мэтт.

Кассир тянул в свою сторону, Мэтт в свою.

– Некогда мне в игры с вами играть. Отпустите!

– И рад бы, да не могу. Вот, смотрите! – Мэтт показал ладонь с растопыренными пальцами.

Кассир, схватившись за пачку двумя руками, уперся ногами в пол.

– Да пустите же!

Рука Мэтта внезапно освободилась, кассир плюхнулся на пол, деньги исчезли.

К окошку медленно поднялась голова с большой шишкой на лысине. Кассир, постанывая, торжествующе сжимал пачку двадцаток в руке.

– Вы еще здесь? Уходите немедленно. – Он положил деньги рядом. – Если появитесь в этом банке еще раз, вас арестуют за нарушение общественного порядка.

– Не беспокойтесь, не появлюсь, – сказал Мэтт и вдруг заорал: – Стой! Назад!

Пачка повторила свой перелет. Мэтт инстинктивно поймал ее в воздухе. Решив, что только одно спасет его от тюрьмы, он сердито спросил:

– Вы зачем деньгами швыряетесь?

– Швыряюсь деньгами? Я?

– А это что такое, по-вашему? – предъявил пачку Мэтт.

– О нет! – простонал кассир.

– Я всерьез намерен пожаловаться директору. – Мэтт шмякнул пачку на прилавок и вознес безмолвную молитву. – Подумать только, кассиры разбрасываются деньгами!

Он отвел руку. Деньги, о чудо, остались на месте, но кассир, как ни старался, не мог их сцапать – в конце концов они вернулись в кассу сами собой.

Мэтт стоял, не в силах оторваться от этого зрелища. Пачка, не даваясь в руки, порхала по кассе, как пьяная бабочка, кассир скакал за ней, точно кот.

– Боже, что я творю! – вскричал он в конце концов, схватившись за голову. – Я, должно быть, с ума сошел!

С этими словами он стал хватать деньги с полок и подкидывать вверх. Зеленая метель закружилась по всему банку.

– Денежки, мои вы денежки...

На место происшествия сбегались другие кассиры и клерки. Солидный джентльмен с брюшком перемахнул через барьер вокруг своего стола, как заправский спортсмен.

– Зовите доктора! – крикнул Мэтт, пробегая мимо охранника у дверей.

Где-то под потолком прозвенели серебряные колокольчики.

Выезжая из Клинтон, Мэтт больше не сомневался, что Эбби его преследует. Он ни секунды не был свободен – она с самого начала знала, где он. Мышка воображала, что ей удалось сбежать, но кошка ее словила. Мэтту представлялись ужасные фурии – Алект, Тисифона, Мегера – в окровавленных одеждах, со змеями в волосах. Они гнали его бичами по всему миру, и у них были лица Эбби.

Полумертвый от усталости, мучимый жаждой и голодом, он поехал на север, но в Канзас-Сити не задержался. Какая-то слабая, еще не угасшая надежда побудила его ехать дальше. В пяти милях от Лоренса его застали лиловые сумерки. Увидев белые шпили и красные черепичные крыши университета, мерцающие под горой Ореада, как маяки, Мэтт понял, на что надеялся.

Вот она, цитадель знаний, твердыня мировых истин, противостоящая темным волнам суеверия и невежества. Здесь, в здоровой атмосфере мысли, логики и учености, он страхнет с себя морок, лишаящий его воли. Здесь он сможет мыслить яснее, действовать решительнее. Здесь он избавится от мстительного демона, сидящего у него на плечах. Здесь он обретет помощь.

В полном изнеможении он ехал по Массачусетс-стрит. Голод несколько притупился, но жажда не унималась. Мэтт помнил, что ел и пил где-то в дороге, но ничего не смог проглотить.

Неужели этому конца не будет? Неужели нет никакого выхода? Есть, конечно. Выход всегда есть. Был у Мэри ягненок...

Чисто рефлекторно он въехал на парковку. Прежде всего надо поесть и попить. Ресторан заполняли летние студенты, парни в спортивных рубашках и слаксах, девушки в ярких ситцевых платьях и босоножках на плоской подошве.

Мэтт, покачиваясь на пороге, глядел на них мутным взором. Когда-то и он был таким, юным, сознающим, что это лучшие его годы. Теперь он измотанный, обреченный старик.

Он сел за столик, зная, что все его счастье осталось в прошлом.

– Суп и молоко, – сказал он подошедшей официантке.

– Да, сэр. – Голос звучал знакомо, но ведь они все одинаковы, юные голоса, и он не впервые здесь.

Вода из стакана полилась в горло, блаженно оросила желудок. Голод тут же вернулся – надо бы бифштекс заказать, но это потом, после супа.

Мэтт, опять-таки без проблем, съел первую ложку.

– Что, полегчало вам, мистер Райт? – спросила официантка.

Эбби! Мэтт поперхнулся, закашлялся. Студенты оборачивались, и у всех девушек были лица Эбби! Он вскочил, едва не перевернув стол, бросился к двери – и замер, держась за ручку.

Сквозь стекло на него смотрели налитые кровью глаза в черной бороде, чуть ниже виднелись широченные плечи.

– А-а-а! – Мэтт с криком подался назад и через распашную дверь ввалился на кухню. Запахи жареного и печеного больше не волновали его.

Повар опешил, увидев его. Мэтт выбежал с черного хода, налетел на какой-то ящик, захромал дальше. В конце темного переулочка маячила горел фонарь. Мэтт побежал туда и увидел с замиранием сердца, как легла поперек света большая, плечистая, бородатая тень.

Он медленно, как в кошмарном сне, направился в другой конец переулочка. Сознание работало, как мотор на холостых оборотах. Уже близко... совсем близко...

От темной стены отделилась еще одна тень... нет, не тень. Мэтт застыл, ожидая неминуемого конца. Две ручищи протянулись к нему и заключили в объятия.

– Сынок, – пролепетал Дженкинс. – Первое знакомое лицо за весь день!

Сердце Мэтта забилося вновь. Он выпутался из бороды Дженкинса.

– Не пойму я, что в эти последние дни творится, но чувствую, что без Эб тут не обошлось. Только хотел помахать властью, как все пропало, и я очутился тут. Скажи где, сынок.

– Лоренс, штат Канзас.

– Канзас? – Дженкинс помотал бородой. – Слышал, что это засушливые места, но я куда больше высох. Этот город вроде бы сжег Куонтрилл в Гражданскую, и лучше б его не отстраивали. В кармане ни пенни, ладно в бутылке чего-то осталось, не то бы помер от жажды. С Эб надо что-то делать, сынок, – это ведь она, да?

Мэтт кивнул.

– Стар я уже для таких делов, мне б в качалке сидеть с кувшинчиком. С этой девкой надо чего-то делать.

– Боюсь, уже поздно, – сказал Мэтт.

– В том-то вся и беда. Годков на шесть запоздали. Ты ученый человек, скажи, что нам делать?

– Не могу вам сказать. Думать об этом и то не могу, иначе ничего не получится. – Был у Мэри ягненок... – Хотите ударить меня – валяйте. Все это случилось из-за меня.

Ручища Дженкинса легли ему на плечо.

– Да ладно тебе, сынок. Не ты, так другой. Ежели Эб чего втемяшится, из нее уж не выбьешь. И утихомирить ее нельзя ни в какую, а злая она хуже, чем все ведьмы геенны огненной.

Мэтт дал ему десять долларов.

– Это чтобы великую сушь одолеть. Постарайтесь забыться, может, в скором времени что-то изменится.

– Хороший ты парень, сынок. Только сгоряча ничего не делай.

Был у Мэри ягненок...

Дженкинс, вскинув руку в прощальном салюте, повернул за угол, и его гигантская тень ушла из мира живых.

Мэтт вернулся на Массачусетс-стрит, дошел до машины и почти физически почувствовал, что Эбби здесь, совсем близко. Она окружала его, как облако пыли, видимой только при определенных условиях, – полуангел, получертровка, полулюбящая, полуненавидящая. Нестойкая смесь полярных противоположностей, нежизнеспособная комбинация.

Она не виновата, со вздохом подумал Мэтт. Он сам ввязался в это из любви к науке, но наука не властна над женщиной. Освобождая женщину, она не в силах ее понять. Эбби – женщина, наделенная могуществом богини, но оно ни к чему ей. Она хотела только одного: выйти замуж. Это он, Мэтт, пробудил в ней неведомые ранее силы и теперь расплачивается за то, что содеял. Закон действия и противодействия непреложен.

Когда Мэтт приехал на Седьмую улицу, настала теплая ночь, и вокруг фонарей кружились ночные мошки. Он остановился у старого желтого – возможно, когда-то белого – дома за узорной чугунной оградой, кое-где покосившейся.

На звонок Мэтта вышел профессор Франклин, декан его факультета.

– Мэтт! Не сразу узнал вас. Что так быстро? Я думал, вы надолго засели в Озарке – не говорите только, что уже закончили книгу.

– Я ее не закончил, но хотел бы поговорить с вами, если позволите.

– Конечно, о чем речь. Заходите. Я тут разбираю работы первокурсников, коим, как водится, конца нет.

Франклин, высокий, с буйной седой шевелюрой, немного сутулый в свои шестьдесят с небольшим, привел гостя в заставленный книгами кабинет, где на кипе бумаг лежали его очки.

– Что это с вами? – вскричал профессор, надев их. – Не больны ли?

– Можно и так сказать. Вопрос в том, как вылечиться. Что бы вы прописали человеку, верящему в сверхъестественное?

– Многие верили, оставаясь при этом достойными членами общества, – пожал плечами Франклин. – Конан Дойл, например...

– Но я не просто верю, я могу доказать.

– Галлюцинации? Это уже серьезнее, может понадобится психиатрическое лечение. Я, как вы знаете, учитель, а вам нужен врач – но не хотите же вы сказать...

– Доказать могу, но мне не хочется это делать. Мир от этого лучше не станет.

– Истина важна сама по себе, но это же не серьезно...

– Очень даже серьезно, – поежился Мэтт. – Я мог бы доказать, что левитация, телепортация, телепатия действительно существуют. И я в здравом уме, а от этого лечения нет.

– Мэтт, вы и вправду больны...

– А что вы скажете, если ваши очки перелетят с вашего носа на мой?

– Скажу, что вам нужно посетить психиатра.

Очки проплыли по воздуху и наделись на Мэтта.

– Это не смешно, Мэтт! – воскликнул профессор, ощупывая лицо.

Мэтт вздохнул и вернул очки.

– А если я сам взлечу? – сказал он и тут же это проделал.

– Спускайтесь немедленно! – приказал Франклин.

Мэтт опустился на стул.

– Что за нелепые фокусы. Сходите к доктору, Мэтт, не теряйте времени. А мне, думаю, надо будет утром пойти к окулисту, – сказал профессор, энергично протирая очки.

– Этого я и боялся, – опять вздохнул Мэтт. – Эбби?

– Да, мистер Райт? – слышалось в комнате.

Франклин забежал глазами по сторонам.

– Спасибо тебе.

– Уходите! – дрожащим голосом потребовал Франклин. – Хватит с меня ваших штук!

– Доктор Франклин не верит в тебя, а я верю. До свидания, профессор, боюсь, психиатры мне не помогут.

Мэтт вышел, а Франклин принялся обыскивать кабинет и гостиную.

Через кампус Мэтт ехал с чувством, что финал близок. Джейхок-бульвар привел его на вершину Ореады, где на севере виднелась долина Коу, а на юге река Уакаруса. Университетские корпуса стояли темные – свет горел только в Студенческом союзе, в библиотеке и у досок объявлений. Длинные административные крылья чернели, в белых арках Бадиг-холла гнездилась ночь.

Мэтт подъехал к своему дому. Гая, видимо, не было: в квартире темно, а Гай так рано спать не ложится.

Мэтт вошел, включил свет в гостиной. Обычный бардак: на диване свитер, на стуле книги.

В темной кухне Мэтт налетел на плиту, выругался, потер бедро. Был у Мэри ягненок... где-то здесь должно быть.

Он держался на ногах лишь благодаря каким-то скрытым резервам. Ничего, скоро отдохнем... он ходил за ней по пятам. Ага, вот он, сахар. Синий сахар.

Он нашел коробку с хлопьями, достал из холодильника молоко. Вскрыл коробку ножом, насыпал хлопья в тарелку, полил молоком, посыпал сахаром. Синий сахар... белый как снег ягненок. Как же ему хочется спать.

Он отправил ложку в рот, пожевал, проглотил. Еда исчезла из пищевода.

Мэтт схватил нож и вонзил себе в грудь. Нож исчез из руки.

Подняв тяжелую, клонящуюся на грудь голову, он не услышал шипения и зажег свет. Кран горелки, которую он открыл, налетев на плиту, был закрыт.

Синий сахар от тараканов, газ, нож – ничего не сработало. Все бесполезно. Выхода нет.

Он вернулся в гостиную, сбросил с дивана свитер и сел. Последняя надежда не оправдалась, но он был по-своему рад, что у него ничего не вышло. Не потому, что остался жив, а потому, что это трусливый способ. Он все время увертывался от решения, которое постоянно маячило перед ним, но теперь иного выбора не осталось.

Да, это тяжкий путь, горький путь. Медленная смерть вместо быстрой. Но его долг перед миром – принести себя в жертву на алтаре, который он сам воздвиг, под ножом, который сам отточил, под рукой, которой сам придал силу и мастерство.

– Ладно, Эбби, – сказал он, подняв глаза. – Я женюсь на тебе.

Слова повисли в воздухе. Он ждал, разрываясь между надеждой и страхом. Может быть, уже поздно и мщения ничем нельзя отвлечь?

Но Эбби в синей бумазее уже прижималась к нему – хрупкая, как ребенок, теплая и мягкая, как взрослая женщина, еще красивее, чем помнилось Мэтту.

– Правда, мистер Райт? – прошептала она, обнимая его за шею. – Правда?

Всеведущая, всемогущая жена, страшная в разочаровании или гневе. Ни от одного мужчины не требовали еще такой жертвы, но делать нечего. Он белый ягненок, агнец, предназначенный на заклание.

– Правда, да поможет мне Бог.

Сладкие, страстные губы ответили на его поцелуй.

Мэтью Райту повезло больше, чем он заслуживал. Чем заслуживает любой из мужчин. Невеста была прелестна и, что гораздо важнее, – счастлива.

Рожденная из пены

Бокал украшала густая пенная шапка. То, что под ней, было еще прекраснее.

Мимо Джерри Блитца с пустым подносом в руках прошла Дорис, невысокая, смуглая и невзрачная. Джерри остановил ее и спросил шепотом:

– Дион не объявлялся?

Дорис мотнула головой, еще раз оглядела длинный, начищенный до зеркального блеска стол – убедиться, что возле каждого из присутствующих стоит по бутылке, – и вышла.

Джерри вздохнул и снова уставился на свой бокал.

В него была налита самая сущность пива. Ни один рекламщик не покривил бы душой, нахваливая напиток. Прозрачный, с желтоватым отливом, искрящийся на свету. Со дна неспешно поднимаются крошечные пузырьки. По запотевшим стенкам ручейками стекает влага.

Джерри уже представлял, как это выглядело бы на экране цветного телевизора. Сверху всего одно слово: «БЛИТЦ»; снизу: «ОТ КАЖДОЙ ЖАЖДЫ». Буквы – пустотелые, как стеклянные колбы, – медленно заполняются пенным пивом.

Ух, это будет нечто!.. Вот только как быть с теми, кто захочет его попробовать?

В центре пенной шапки что-то взбурлило, и на поверхности возникла девичья фигурка по пояс, высотой с ладонь. Подняв руки, девушка разглаживала длинные пенные волосы. На взгляд Джерри, изящнее жеста быть не могло.

Девушка явно кокетничала, причем именно с ним. Остальные сидели как ни в чем не бывало. Неужели не увидели? Джерри осторожно повернул бокал. Девушка снова обратилась к нему.

Нет, все-таки увидели. Старик Болдуин тихонько крикнул, но лицо у него оставалось застывшим, словно маска. За свою жизнь он их отработал немало: заинтересованный слушатель, серьезный делец, верный товарищ. На этот раз он избрал личину непрошибаемого рационалиста.

Куда же подевался настоящий Артур Болдуин, способный смеяться во весь голос, скрежетать зубами от негодования и плакать настоящими слезами? Затерялся среди масок? Может, пора дать объявление: «Пропал настоящий человек! В последний раз выглядел как энергичный молодой управляющий. Откликается на имя Арт»?

Нет, от Арта осталось только лицо, да и то – личина. Джерри обвел взглядом присутствующих: Ривз, Уиллифорд, Вудбери, Олберг. Из всех один Билл признавал существование пенной красотки в бокале, поскольку старался смотреть мимо нее, но выходило с трудом. Ничего, с возрастом научится.

Шло обычное собрание директоров: Болдуин вещал, Ривз записывал. По негласному уговору о девушке не упоминали; вместо этого вели речь об «особенностях шапки» и «нетипичном поведении пены». Никто не хотел признавать, что рядом происходит нечто удивительное.

Они утратили способность удивляться. Вместо нее – логика и расчет. Вся их жизнь подчинена вопросам выгоды. Почему так?

И все же у Болдуина имелся свой интерес. Благодаря девушке пивоварня вот-вот должна была отойти ему – и Джерри ничего не мог с этим поделать.

Зачем они все здесь? Им надо руководить железной дорогой, а пивоварение – это магия, традиции, тонкое искусство подбора и смешивания ингредиентов, брожения и созревания. Полностью контролировать процесс невозможно. Результат бывает непредсказуемым.

Собрание директоров нужно только для того, чтобы выкачивать доллары. Его ход распisan до мелочей, как менюэт. К приготовлению пива оно имеет такое же отношение, как и экскурсия по пивоварне...

Пятый этаж: солододробилка. Вдоль стен – джутовые мешки с ячменным солодом в серой шелухе и молотой кукурузой. Пахнет, как в зерновом элеваторе или на сеновале. «Мы с вами проследим, как сырье проходит путь с этажа на этаж, от одного процесса к другому. Здесь солод дробят в муку грубого помола и ссыпают в мерные корзины, где смешивают с кукурузной крупой в пропорции примерно шестьдесят к сорока». Возможно ли описать словами таинство соложения, объяснить, как в пророщенных семенах происходит столь необходимая ферментация?

– Если такова вся партия, – сухо и размеренно говорил Болдуин, – а так, по-видимому, и есть, возникает вопрос: сколько всего пива произведено по этой рецептуре?

– В цеху дображивания тридцать танков, – ответил Джерри. – Это девятнадцать тысяч восемьсот баррелей.

Дион, Дион! Где же ты?

– М-да, дело куда серьезнее, чем я полагал, – изрек Болдуин.

Еще бы. Пивоварение – это очень серьезно. Сколько брать солода? Сколько зернопродуктов? Сколько воды? При какой температуре готовить затор? Какие паузы делать и когда, чтобы в дело вступали ферменты, расщепляющие крахмал и превращающие его в сахар? «На четвертом этаже находится заторный котел, в котором из солода и желатинированной крупы затирают сусло. Для нагревания используют пар, по принципу водяной бани». Да, и добавить еще, что пиво на девяносто один процент состоит из воды, и вся разница между сортами, по сути, в дополнительных присадках. Впрочем, куда им понять?

– Катализаторы, – вырвалось у Джерри. Болдуин замолчал и хмуро взглянул на него. – Прошу прощения, задумался.

– Итак, – ледяным тоном продолжил Артур, – я предлагаю вынести вотум недоверия руководителю...

– Постойте, – вмешался Джерри. – О пиве судят не по внешнему виду, а по вкусу...

– Нет нужды. – Болдуин мельком взглянул на бокал Джерри и тут же отвел глаза. – Я... э-э... пива не пью, но мне и без этого ясно, что такую партию нам не продать.

Что, если ты добродетелен, так уже не должно быть ни пирожков, ни пива? ¹

– Думаю, это тот случай, когда принципами можно и поступиться, – сказал Джерри. – Нельзя управлять пивоварней, не разбираясь в ее продукции. Рядом с каждым из вас стоит бутылка и бокал. Если наливать аккуратно, пены не будет.

Болдуин осторожно и нехотя плеснул напитка в блестящий бокал, поднял его, втянул запах носом, поморщился и чуть-чуть пригубил. Глаза у него широко раскрылись. Он сделал еще глоток, долил все, что было в бутылке, и выпил. По загорелому морщинистому лицу раскатилось блаженство. Артур облизнул губы, поставил пустой бокал на стол и спросил:

– Так, значит, это – пиво?

– Еще скажите, что шампанское – это вино! – с жаром произнес Олберг. – О таком напитке пивовары мечтали веками, еще с тех пор, как у древнего вавилонского пекаря получилась первая бражка. Это не пиво, это нектар!

Джерри не верил своим ушам. Поддержка пришла, откуда не ждали. Впрочем, в Билле могла заговорить привычка: директор по продажам все-таки.

Лицо Болдуина на мгновение переменялось, но понять из-за чего Джерри не успел. Дело не в жадности, это он знал наверняка: Артур не настолько прямолинеен.

– И все-таки жаль, – произнес старик с горечью, – что из-за пены мы не сможем выпустить пиво на рынок.

Когда один проигрывает, другой выигрывает. Джерри понял, к чему Болдуин клонит. Впервые за сотню лет пивоварня Блитцев отойдет постороннему человеку.

---

¹ У. Шекспир, «Двенадцатая ночь, или Что угодно», акт II, сцена 3 (пер. М. А. Лозинского).

– Зависит от того, как все подать, – не сдавался Джерри. – Если представить особенности пены как достоинство, а не как недостаток, то можно обратить ситуацию себе на пользу.

Совет хороший, вот только им он был не нужен. Дальнейшее обсуждение необходимо исключительно для протокола. Если дойдет до суда, они сообразят, как выкрутиться. Нет, решив избавиться от Джерри, они уже не отступят.

У каждого дела своя терминология. В пивоварении это, например, затор, сусло, дробина, промывка. Готовый затор сцеживают и получают сусло. Горячей водой промывают нерастворившуюся дробину, после чего все помещают в начищенный медный котел и кипятят. Пар выводят через крышку по витой трубе. Джерри обожал стоять у варочного котла и наблюдать, как кипящее сусло выплескивается через дверцу на бетонный пол.

– Нереально! Немыслимо! – возмущался Болдуин.

– Правильная реклама творит чудеса, – настаивал на своем Джерри. – Можно убедить женщин носить мешки вместо свитеров, а мужчин – предпочесть биглей блондинкам. Можно внушить всей стране, что каждому нужен автомобиль и что хромовая отделка важнее пищи. А можно все разом изменить. Точно так же можно заставить людей покупать наше пиво. Я даже слоган придумал: «Пиво «Блитц»: пена всему голова!»

– А что, это вариант! – воскликнул Олберг.

Болдуин хмыкнул.

– Выходить с таким пивом на рынок – рисковать целым брендом.

Да уж, кто-кто, а Болдуин терпеть не может рисковать. Он уже добился, чего хотел, зачем ставить все на карту? Одно неясно: на что все-таки ему пивоварня? В этом деле без риска никуда.

Сколько добавлять хмеля? Когда бросать зеленые соцветия, а когда – белые? Пробуй! Экспериментировать! Сперва пару фунтов, чтобы осветлить сусло. Через полчаса – еще три фунта, чтобы появилась горчинка. Под конец – оставшиеся три фунта для придания пиву тонкого хмельного аромата. А дальше – только уповать на случай. Сусло, бывает, портится, хотя современные технологии этому препятствуют. Кипящую пенную жидкость перекачивают по трубкам с аммиачным охлаждением в бродильный резервуар.

– Олберг, ваше мнение? – спросил Болдуин. Билл обратился в слух. – Как любители пива воспримут эти... э-э... необычные пенные образования?

– Для них это будет чем-то новым, – с готовностью ответил Билл.

– Новым, – презрительно бросил Болдуин. – Новинки – для детей. Знал я фирмы, которые полагались на новизну и прогорали, когда она исчерпывала себя. В еде и напитках покупатели предельно консервативны. К такому пиву они и близко не подойдут. Разве не так, Олберг?

– Ну... тут вы, пожалуй, правы, – упавшим голосом произнес Билл.

– Давайте напечатаем инструкцию! – в отчаянии предложил Джерри. – Наливать аккуратно. Не давать выдыхаться. Если хотите насладиться подлинным вкусом, избегайте появления пены...

– Не зарывайтесь, – грубо перебил Болдуин. – Мы с вами не «Хайнекен», не «Карлсберг» и не «Будвайзер». Куда нам диктовать свои условия публике? У производителей стиральных машин ушли годы, чтобы приучить людей к непенящимся отбеливателям.

Дион, Дион! В чем же причина? В воде? В солоде? В хмеле? А может, в дрожжах?... Возможно, разгадка кроется на третьем этаже, в охлажденном бродильном резервуаре? В нем двести двадцать фунтов дрожжей, выведенных в лабораторных условиях из одного штамма, но хватило крошечной посторонней клетки, и мальтоза – солодовый сахар – стала разлагаться на спирт и углекислый газ. Катализаторы – вещь непредсказуемая.

Джерри представил себе новый штамм дрожжей, под действием которых пиво в кипарисовых бочках добродило до того, что в пене завелась обнаженная красotka. Он снова посмот-

рел на свой бокал. Пена опала, а вместе с ней и девушка. Пока все были заняты, Джерри плеснул себе еще пива. Девушка снова грациозно распрямилась.

Она была прекрасна – в отвлеченном смысле, конечно. Лицо юное и гладкое, губы полные и чувственные, руки изящные, грудь высокая.

– А теперь представьте, – гробовым тоном вещал Болдуин, – что будет, если у кого-нибудь в бокале случайно образуется такая пена? Скандал, вот что! Репортеры слетятся к нам, будто стервятники на падаль, и станут терзать вопросами: «Как вы объясните это явление? Так задумано или же это случайность?..»

– Первый закон маркетинга: любая реклама лучше... – вставил Олберг.

– Есть продукция, которой подобная реклама как раз вредна. Например, наша, – проворчал Болдуин. – Еда и напитки должны соответствовать трем требованиям: быть вкусными, полезными и не содержать примесей. Скандальной славы в этом списке нет. Ну что, – обратился он к Джерри, – сможете ответить на вопросы репортеров?

– Нет, не смогу...

Дион, куда же ты запропал? Почему не предупредил, что такое может произойти? Молодое пиво созревало в лагерном танке, но он тут ни при чем. Возможно, дело в кройзенинге – или в последних ингредиентах: лулулине, соли, спелом солоде, гуммиарабике... Гуммиарабик уменьшает образование пены. Что ж, как вариант. А углекислый газ попал в пиво в результате карбонизации на последних стадиях брожения.

– Прошу прощения, – сказал вдруг Джерри. – Я на минуту.

Выйдя из кабинета, он оперся спиной на дверь и закрыл глаза. Его смуглое, худое лицо болезненно исказилось. Отец ни за что бы не оставил врагов строить козни у него за спиной, но Джерри – не отец. С каждой секундой он понимал это все более отчетливо.

– Дорис, от Диона что-нибудь слышно? – вяло обратился он к секретарше.

– Все еще нет, мистер Блитц, – обеспокоенно ответила она. – Трубку не берет, а консьерж говорит, что уже неделю его не видел.

– Продолжай звонить. Он мне позарез нужен. Без него я лишусь пивоварни.

– Как?! – испуганно ахнула Дорис. – Почему?

– Думал, ты знаешь. Папа занял у Болдуина денег на новую марку, а в залог оставил свою долю акций. Из-за расходов и налогов на наследство я оказался без гроша. Если Болдуин завернет новое пиво, то придется уступить ему акции в качестве уплаты долга.

– Но ведь тогда у него будет контрольный пакет!

– Именно, – устало кивнул Джерри. – А с ним и пивоварня.

– Ужас какой! Тогда Дион вам нужен срочно. Я уже обзвонила больницы, морги, полицейские участки...

– А бары?

Она удивленно мотнула головой.

– Без него мне крышка, – простонал Джерри. – Если он знает про пену, то, может, сумеет все исправить. Не мог же он пропасть бесследно. Передай всем знакомым барменам, что я ищу его.

– По-вашему, он склонен к запоям? – удивилась Дорис.

– А по-твоему, нет? – в тон ей спросил Джерри.

Они молча посмотрели друг на друга, затем Джерри вернулся в комнату совещаний.

– Кстати, – Болдуин хитро взглянул на него, – а где ваш новый старший пивовар? Думаю, его тоже следует пригласить к нам сюда.

У Джерри внутри все упало.

– Вы про Диона? Он... в отпуске.

По скептической усмешке стало ясно: отговорка не сработала. Болдуин знал, что Диона нет, причем давно. Возможно, он даже знал, куда Дион подевался. Впрочем, нет, это было бы чересчур.

– Но он проработал здесь всего два месяца и уже в отпуске? – Болдуин сделал вид, что удивлен.

– Да, так и есть.

– Вот как... Необычный молодой человек. Изрядно, я бы сказал. Не поведаете ли нам, откуда он взялся? И почему ради него вы уволили отцовского пивовара, который проработал здесь сорок лет?

– Герхардта никто не увольнял, – поспешно возразил Джерри. – Его с почетом проводили на пенсию. А нанять вместо него Диона мне завещал отец.

– Также он завещал вам долги, причем немалые, – сухо произнес Болдуин. – Что ж, раз Диона с нами нет, придется прибегнуть к услугам другого специалиста.

Он встал, выпрямился во весь свой невысокий рост и медленно подошел к двери. Джерри со вздохом опустил взгляд на бокал. Пена уже сошла.

Дверь открылась, и за спиной у Болдуина возник полноватый седой мужчина. Джерри удивленно уставился на круглолицего, красноносого немца.

– Герхардт, вы?!

– Здравствуйте, мистер Джерри, – сказал бывший старший пивовар с легким акцентом.

– Ничего не понимаю. Зачем вы здесь?

– Не могу сидеть без дела, скучно. Жена гонит. «Иди отсюда, – говорит, – под ногами путаешься». Мистер Болдуин предложил мне вернуться к работе. Я согласился. Всегда рад помочь.

Помочь, говорите? Интересно, кому?

Болдуин оглядел стол; все бутылки были пусты.

– Нам понадобятся новые образцы, – сказал он.

– И рецептурный журнал, – добавил Герхардт.

– Хорошо. – Джерри вздохнул. – Сейчас вызову старшего химика, он принесет.

Щелкнув рычагом селектора, он попросил Дорис связаться с Джорджем Феннелом.

Химик принес запотевшую бутылку, которую держал в вытянутой руке, и тетрадь в черной обложке. Его худое, длинное лицо было под стать телосложению.

– Герхардт! – воскликнул он.

– Здравствуй, Джордж. Как идет процесс? – спросил Герхардт.

– Неважно, – грустно ответил Феннел.

Джерри забрал у него бутылку, открыл и осторожно, по стенке наполнил бокал, чтобы пиво не вспенилось.

Герхардт наблюдал за Джерри с некоторым удивлением. Подняв бокал, он посмотрел напиток на просвет.

– Цвет хороший. Красота! А что не так с пеной?

– Сперва попробуйте, – попросил Джерри.

Герхардт пожал плечами и поднес бокал к губам. Сделал глоток, посмаковал. Его маленькие голубые глаза засияли.

– Да! – произнес он с легким придыханием, так что вышло почти «та». – Это же просто идеальное пиво! Дайте взглянуть на рецептуру.

Столетия проб и ошибок, попыток и чаяний – и вот оно: идеальное пиво. Каждый ингредиент добавлен строго в нужном количестве, строго в нужный момент. Идеальный баланс между содержанием спирта, углеводов, белка, минералов и углекислоты. Цвет, аромат, вкус, пузырьки, пена...

Пена. Именно она мешала пиву быть по-настоящему идеальным.

Герхардт вглядывался в рецептурный журнал и не верил своим глазам.

– Не понимаю. Как будто ничего необычного, но вот крепость... Три и шесть процента. А кажется, что гораздо больше.

– Я думал, это пятипроцентное пиво, – с подозрением сказал Болдуин.

– Так и есть. Пятипроцентным называют любое пиво с содержанием спирта от трех целых двух десятых до пяти, – объяснил Джерри.

– Из всего, что здесь написано, – вдруг подал голос Феннел, – я могу ручаться только за данные химического анализа.

– То есть? – Болдуин повернулся к химику.

Феннел сжал кулаки.

– Дион журнала даже не касался. Я говорил, что нужно иметь данные под рукой на случай отклонений, а ему хоть бы что. Пиво, мол, будет идеальным. Я настаивал, но он лишь отмахнулся. «Что хочешь, то и пиши, без разницы».

– Как же вы это допустили?! – воскликнул Болдуин.

– Не все так просто, – возразил Герхардт. – Старший пивовар – главный, он ни перед кем не отчитывается.

Сначала Билл, потом Герхардт и теперь Джордж. Кто еще отвернется от меня? Эх, Дион, дружище, почему ты тоже меня бросил?.. Дион! А полное имя, случайно, не Дионис? Самое то для пивовара! Древний виноградарь, бог-бык, бог-козел, покровитель растительности и виноделия! Бахус всегда все делал для людей, а раз люди перестали пить вино, почему бы ему не заняться пивоварением?.. Эх, Дион, где же ты?

– Выходит, рецепт неповторим, – сухо констатировал Болдуин. – Даже если пену удастся... э-э... устранить, нет никакой гарантии, что в новой партии качество сохранится.

– Дион все сделает, – уверенно сказал Джерри. – У него уже тридцать раз подряд получалось.

– Так где же он? И когда вернется? Распустили вы тут всех, скажу я вам.

Все присутствующие согласно закивали. Джерри угрюмо засопел.

– Зато смог приготовить лучшее пиво в истории, – сказал он.

– Вот только его не продать, а может, даже и не повторить... Ведь так? – Болдуин обратился к Герхардту, который, вертя головой, следил за их перепалкой.

– Трудно сказать, – неуверенно произнес тот. – Пивоварение – искусство, а не наука. В нем нередки неожиданности. Во время затирания, фильтрации, кипячения, брожения...

– Пиво, – вмешался Феннел, – это тонкая смесь различных ингредиентов, которые следует добавлять в определенном количестве в определенное время и при определенной температуре. Ведущую роль играют органические катализаторы, а их поведение до конца не изучено. Самые незначительные отклонения могут сказаться на качестве конечного продукта.

– А нельзя ли как-нибудь попроще? – перебил его Болдуин.

– Ну вот возьмем, к примеру, шотландский виски, – стал терпеливо объяснять Феннел. – Его характерный букет получается благодаря тому, что ячменный солод просушивают дымом от сгорания торфа.

– Давайте лучше о характерных свойствах нашего пива, – сказал Болдуин. – Вот, смотрите!

Он схватил бутылку и выплеснул оставшуюся половину Герхардту в бокал.

Пиво с журчанием потекло из горлышка и бурно вспенилось. Шапка приняла форму обнаженной красоти. Теперь она потягивалась: пальцы сцеплены, руки вытянуты, плечи отведены назад, слепые пенные глаза смотрят на Джерри.

– Фот оно тшто! – От удивления акцент у Герхардта усилился. – Так, знатшит, это и есть пена?

Пузырьки лопались, и девичья фигурка слегка покачивалась, как будто живая.

– Откуда она взялась? – глухо спросил Болдуин.

Герхард пожал плечами и сказал неуверенно:

– Много причин может быть. Тип солода, температура затирания, дрожжи... Я, дрожжи! Если у меня не получилось пиво, виноваты всегда дрожжи!

– Ваше мнение? – Болдуин резко повернулся к Феннелу.

– Этим штаммом мы пользуемся вот уже который год, – ответил Феннел, глядя на красотку в бокале. Сглотнул. – Я утверждаю, что дело в карбонизации и гуммиарабике. Видимо, произошла какая-то реакция, и...

– Чушь, – твердо возразил Джерри. – Ты сто раз все перепроверял. Содержание углекислого газа ровно две целых сорок две сотых, гуммиарабика столько же. В общем, говорите, что хотите, но на самом деле...

– На самом деле – что? – спросил Болдуин. – Скажете, это совершенно обычное явление, которое объясняется совершенно обычными причинами?

– Да, – вяло произнес Джерри. – Дион все объяснит.

Дверь в кабинет распахнулась. На пороге стоял человек в белом комбинезоне.

– Мистер Блитц, это срочно! – крикнул он. – В цехе розлива черт-те что творится!

Они прошли через охлаждаемый цех дображивания. В цехе розлива было теплее, но рабочих била дрожь. Большую часть просторного помещения занимали аккуратные ряды алюминиевых кег. В центре стоял разливочный аппарат, а рядом с ним – закупоренный кег с вбитым в него краником. В металлических литровых кружках пенилось пиво.

Из закрепленного на потолке резервуара спускались четыре жестких шланга. По технологии под каждым должно лежать по кегу, повернутому отверстием вверх. Первый только начинают заполнять, второй уже наполовину полон, в третьем опадает пена. Шланг отводят в сторону, а пузатый, мускулистый рабочий загоняет в отверстие деревянную пробку и забивает ее массивной киянкой. Четвертый, закупоренный кег тем временем откатывают, а на его место кладут новый, пустой.

Однако работа стояла. Шланги были убраны, все четыре кега лежали полные, из них хлестала пена. В ней кордебалет из четырех обнаженных девиц, каждая ростом человеку по пояс, исполнял эротический танец.

Мужчины широко раскрытыми глазами наблюдали за танцовщицами, не в силах пошевелиться.

– Кто вам велел разливать партию? – спросил Джерри у начальника смены.

– Никто, мистер Блитц, – ответил тот, нервно сглотнув. – Просто больше нечего было делать.

Джерри решительно направился к разливочному аппарату. Пенные девушки потянулись ему навстречу. Не обращая на них внимания, Джерри схватил киянку и вбил пробку в отверстие. Еще несколько ударов, и все кеги были закупорены. Пена, а с ней и красотки, с тоскливым шипением растворилась. Джерри вздохнул.

– Все, больше это пиво не разливать. Ждите указаний.

– Вот сами и ждите, – огрызнулся кто-то из рабочих. – Ноги моей тут не будет!

Он пошел к выходу, остальные потянулись за ним.

– Вы понимаете, что это значит? – спросил начальник смены. – Они теперь все уйдут!

– А то я не вижу, – глухо отозвался Джерри и поплелся к лифту.

Уже у комнаты совещаний он столкнулся в дверях с Болдуином. Тот охнул, якобы от неожиданности.

– Вернулись? Отлично. Мы как раз проголосовали. В общем, либо вы решаете вопрос с пеной, либо мы забраковываем всю партию. А это повлечет за собой соответствующие перестановки в руководстве.

Джерри устало кивнул.

– Сколько еще?

Болдуин не стал делать вид, будто не понял.

– Каждая минута простоя – это убытки. Продажи необходимо возобновить как можно скорее. Времени у вас до завтрашнего утра.

Собрание закончилось. На Джерри никто не смотрел, все проходили мимо: Болдуин, Ривз, Уиллифорд, Вудбери, Олберг.

Билл задержался и отвел Джерри в сторону.

– Послушай, – прошептал он. – Прости, что я...

– Проехали.

– Нет, я договорю! Когда Болдуин спросил про рекламу, я мог... то есть должен был настоять...

– Проехали, сказал же, – холодно произнес Джерри. – Тебе за свое место переживать надо.

В кабинете стало странно тихо и пусто. Джерри оглянулся на Дорис.

– Ну а ты чего не уходишь?

– Я с вами, мистер Блитц, – сказала она. – Уйду, только если меня уволят.

Джерри испытал некоторое облегчение. Что ж, хоть кто-то его не бросил. Ну и еще Джоан.

– Дион нашелся?

Секретарша грустно покачала головой.

– Нет, мистер Блитц, но я поговорила с парой барменов, которые с ним знакомы. Сказала, чтобы позвонили, если он вдруг объявится.

– Пьет, стало быть?

– О, пьет, да еще как! Но ни один бармен не видел его пьяным. Это их весьма впечатлило.

– Ну да, столько пить, – мрачно произнес Джерри. – Черт, а казался отличным малым!

– Может, следовало побольше разузнать о нем, прежде чем нанимать?

– Папа нанимал, незадолго до смерти. Тогда-то я и познакомился с Дионом. Они, кажется, дружили. Болтали, шутили, выпивали. Папа уже был плох, но Дион как будто возвращал его к жизни.

Джерри погрузился в воспоминания.

– Перед папой стояла бутылка без наклейки. Он сделал глоток, потом ударил кулаком по столу и сказал: «Клянусь богами, я его сварю!» Затем посмотрел на меня: «А если со мной что случится, то сварить ты, сын! Человек должен оставлять после себя не только деньги!» – «Ты о чем?» – «Назначь Диона старшим пивоваром! Он сварит такое пиво, которое никому здесь не снилось!»

– И ведь сварил, – сказала Дорис.

– Да, сварил. – Джерри вздохнул. – Жаль, папа не дожил, чтобы попробовать. Дион очень старался. Неделями не выходил из пивоварни. Контролировал весь процесс – от затирания суслу до добавления дрожжей, никого не подпускал. А потом вдруг раз – и исчез. Больше я его не видел.

– Странный человек, – задумчиво произнесла Дорис. – Впрочем, уверена, у него был веский повод.

– Надеюсь, – скептически усмехнулся Джерри. – Вот только мне от этого не легче. Все кончено.

– Та женщина, видимо, тоже так подумала, – сказала вдруг Дорис.

– Какая женщина?

– Прошу прощения, мистер Блитц, я имела в виду мисс Блессинг, вашу невесту. Она заходила недавно, просила передать вам это.

Дорис открыла ящик, достала оттуда кольцо и вручила его Джерри.

– Джоан?... – проговорил он, не веря своим глазам.

– Ну не расстраивайтесь. Она того не стоит. – В голосе Дорис звучало почти материнское участие. – Ей нужны были только ваши деньги. Она даже как-то проговорила, что терпеть не может фамилию Блитц. А началась у вас черная полоса – пожалуйста, ее как ветром сдуло!.. Вам нужна, – пылко добавила Дорис, – простая, милая девушка, которая будет любить вас за то, что вы есть!

– Где ж ее такую теперь найдешь... – Джерри вздохнул. – Дорис! А как тебе фамилия Блитц?

– По-моему, очень даже... – начала она и осеклась. – Ну то есть... в общем... Я помолвлена, мистер Блитц.

Она вытянула вперед левую руку. На безымянном пальце крохотным огоньком вспыхнул алмаз в оправе.

– Ну что ж, поздравляю. – Джерри подбросил свое кольцо на ладони и не глядя сунул в карман брюк. – Если что, я буду в пентхаусе. Пусть все бутылки из новой партии несут туда.

Расправив плечи, он решительно пошел к лестнице. Мечты рухнули. Невеста ушла. Через несколько часов он лишится и пивоварни, и пива.

Раз это лучшее пиво в истории, значит, следует насладиться им сполна.

В самом пентхаусе было темно, лампа горела только в проходе между гостиной и кухней. В гостиной стоял журнальный столик, на нем – полный бокал пива. Рядом темнели пятна от выплеснувшейся через край пены. Пенную шапку украшала прелестная головка и не менее прекрасный бюст.

Джерри сидел в кресле. Он салютовал девушке своим бокалом, та кокетливо потупила глаза.

– Поэту свыше вручен дар, но все ж успешней пивовар: постичь божественный размах в хмелю уж проще, чем в стихах, – продекламировал Джерри, осовело кивнул пенной красотке и сделал глоток. – Чтобы на все найти ответ, напитка лучше эля нет.

Откуда-то из недр Джерри исторг могучую отрыжку и расплылся в довольной улыбке.

– Идеальное пиво! – Он покрутил пальцем в воздухе. – Как пос-с'него пить что-т' другое? Тот ж' эль. Вот Хаусман² пиш'т про эль, то'ко ничегошеньки в нем не п'нимает. Эль – эт' верховое брожение, а в'т лагерь – низовое.

Он сделал еще глоток.

– Пиво след'т подавать охл'жденным до п'ти-семи град'сов. Пена держ'с-ся лучш', лишние газы улетуч'с-ся, а букет и вкус – остаю'с-ся.

Девушка начала клониться набок.

– Иначе г'ря, с'час пиво уже слишком нагрел'сь, и т'е нехорошо. Вот! – Джерри вылил остатки своего пива в бокал. Пена побежала по стенкам на стол и закапала на ковер. Девушка распрямилась.

– Так-т' лучш'.

Он аккуратно вылез из кресла, обошел столик и будто по воздуху проплыл на кухню. Вернулся с двумя холодными бутылками без этикеток. Поставил на столик и, взяв открывалку с ручкой из слоновой кости, снял крышку с одной из них. Аккуратно перелил пиво в бокал и убрал пустую бутылку на пол, где уже скопилась небольшая коллекция.

Сошнувшись, Джерри попробовал сосчитать бутылки, но сбился и начал снова.

– Тринадц'цть! – сказал он наконец. – П'красно! И каж-ж'я что унция виски. Даж' не заметил, как напилс-ся.

Девушка кивнула, будто соглашаясь.

---

² Альфред Эдвард Хаусман – английский поэт и эссеист, особенно прославившийся в Эдвардианскую эпоху. Выше Джерри цитирует его стихотворение «Terence, this is stupid stuff» из сборника «Шропширский парень» (1896).

– А вот и нет! – Джерри отчаянно мотнул головой. – Я где-т' слышал, чт' есть три стадии оп'нения: драчливая, ворчливая и сонливая. А мне хорошо! Впроч'м, это ж идеальное пиво, так чт' ничего удивит'ного.

Девушка весело закачалась.

– Я счас-с'в! – сказал Джерри победным голосом. – К чему забот'с-ся о будущ'м? – Он попытался щелкнуть пальцами; вышло только с третьего раза. – Пус-сь будущее само о себе забот'с-ся.

Он подлил немного пива в бокал с красоткой.

– Поч'му? – спросил он с негодованием. – Ну вот поч'му 'с-се против, чтоб' у них в пиве кто-т' плавал? Ты ж' лучш-ший собутыльник! Красивая, 'с-се понимаешь – и молчишь. Что вам ещ-ще нужно от де'ушки? Что вам ещ-ще нужно от пива, а?

Джерри поднес бокал к губам и залпом осушил половину.

– Хочу сказать вам, господа: чтоб выпить, повод есть всегда... – пробормотал он, покачиваясь в такт, и вдруг замолчал.

В дверях стоял человек.

– ...Сварилось пиво; выходной; в гостях; поспорил с женой... и – наконец – любой другой, – завершил стихотворение вошедший. – Да простит мне доктор Олдрич³ этот вольный пересказ.

– Дион! – воскликнул Джерри.

Ростом старший пивовар был немного ниже среднего, имел непримечательные каштановые волосы и непримечательную внешность. Костюм его, напротив, кричал оригинальностью.

Галстук – лиловый, рубашка – желтая, пиджак – ярко-синий, брюки – травянистые, носки – алые, ботинки – белые, как шкура козленка. Просто ходячая призма. Но даже этот разноцветный наряд блек по сравнению с лицом Диона. На нем отражалось счастливое презрение ко всему, что люди почитали святым, и священный восторг перед тем, что делало людей счастливыми. Под воздействием этой ауры хотелось веселиться, петь, танцевать, любить и предаваться вещам хоть и неблагоприятным, но таким приятным.

Кружит голову не хуже пива, – подумал Джерри. При этом в присутствии Диона он как будто слегка протрезвел.

Возраста пивовар был неопределенного. Иногда – как, например, сегодня – он выглядел юнее, чем самое молодое пиво, которое сливают дображивать в лагерный танк. А иногда казалось, что он на много-много веков старше пивоварни.

– Вижу, решил пригубить свеженького, – сказал Дион, и в его голосе бурлили энергия и жизнь. Затем он бросил взгляд на пену в бокале. – Нимфы и сатиры! Что это?!

– Эт' моя погибель, – мрачно, словно кривое отражение, промолвил Джерри.

– Бывает, что погибель ведет к новой, лучшей жизни. Многие девушки убеждались в этом на своем опыте, – весело отозвался Дион. – Что ж, давай разбираться.

Он уселся на краешек кресла и стал рассматривать пенную красотку.

– Мило, изящно... Так как тебе пиво?

– Ид'альное!

Нездоровое уныние начало понемногу проходить.

– Естественно, – кивнул Дион. – А это созданыще, стало быть, портит продажи?

– 'ще как.

Тяжело вздохнув, Джерри кратко описал сложившееся положение.

– Куда т' запропал? – жалостливым тоном закончил он.

---

³ Генри Олдрич – английский теолог, доктор философии, жил в XVII в. Наиболее известен эпиграммой о пяти причинах выпить, написанной на латинском языке и существующей во множестве интерпретаций.

– Дела. Приятные, не скрою, но от этого не менее насущные. Как у тебя сейчас. Уже готов, я погляжу?

– А в'т и нет. Сижу, как видишь, – с достоинством возразил Джерри. – Навеселе, не спорю, под градусом, под куражом, под мухой, под парáми да под хмельком. Пьян в стельку, как сапожник, в дым, в хлам и вдребезги. Но при этом в полном порядке... И все же куда ты запропал?

– Старик Болдуин оказался хитрее, чем ты думаешь. Он устроил мне круглосуточный загул на всю неделю, однако красотки и выпивка иссякли раньше, чем я. И вот я здесь. Итак, если мы не изгоним девушку, ты потеряешь пивоварню. Этого я допустить не могу. Кто-нибудь смог объяснить, в чем причина?

Джерри усмехнулся, вспоминая.

– Герхардт сказал, что виноваты трошши должны быть. Феннел заявил, что дело в сочетании углекислого газа с г'ммиарабиком.

– Нечестивцы! Скучные, приземленные нечестивцы! – Дион возмущенно хмыкнул. – Всюду ищут самое простое объяснение – и забывают про катализаторы. Они – пивовары, кому, как не им, разбираться в катализаторах? Увы, это выше их понимания. Печальный, печальный век! Никто так и не догадался, какой катализатор важнее всего.

– И какой же? – задумчиво спросил Джерри.

– Да человек! – Дион всплеснул руками. – Ты ведь знаешь определение: вещество, ускоряющее реакцию, при этом само в нее не вступающее. Если это не человек, то что?

– И 'дь правда! – торжественно согласился Джерри.

– Люди наблюдают мир, но не умеют воспринимать его целиком. – В голосе Диона зазвучала тоска. – Естественно, они не видят, какое действие оказывают на окружающие процессы. Что взять с катализатора? Пока он рядом, процесс идет как надо, и что меняется, когда его нет, он не знает.

Дион помолчал.

– Истина – вот она, но люди ее не видят. Они говорят про везение, интуицию, талант, легкую руку, случай и непостижимость природы. Удели человек время изучению своей каталитической силы, он бы сравнялся с богами.

– Правд', что ль? – У Джерри отпала челюсть.

Дион со вздохом кивнул.

– Люди, однако, считают это суеверием. Раньше было не так, раньше понимали: сам пивовар куда важнее оборудования. Вот у вас современные пивоварни. И что это дает? Невероятную точность в измерении количества, температуры и времени, тончайший контроль над качеством. Только почему тогда пиво даже вполонину не такое хорошее, как у средневековых монахов?

– Не знаю, сдаюсь, – покачал головой Джерри.

– Вам подвластно все, кроме пивовара. Старая мудрость утрачена. Личность пивовара накладывает отпечаток на пиво, поэтому необходимо прежде всего воздержание...

– Как, с'всем?

– Совсем. Полнейшее. Можешь представить, какое это напряжение.

– Еще бы. – Джерри кивнул.

– Пока пиво варилось, у меня внутри все бродило и бурлило. Мне оставалось либо выпустить пар, либо лопнуть!

Джерри представил, как Дион взрывается, словно бутылка, в которой переборщили с карбонизацией. Чтобы не засмеяться, он схватил бокал и осушил его.

Дион тем временем открыл новую бутылку и сделал глоток прямо из горлышка.

– М-м, – протянул он оценивающе. – Истинный отпрыск солода. Мир должен узнать о нем, чего бы нам это ни стоило.

– А, забудь! – Джерри махнул рукой. – Пей и наслаждайся.

– Чтобы назавтра лишиться пивоварни? – в ужасе воскликнул Дион. – Ну уж нет! Человечество потеряет идеальное пиво, а я потеряю работу. Даже катализатору нужно добывать себе пропитание... Итак! Я нахожу эту пену весьма привлекательной, но понимаю, что не все разделяют мое мнение. Стало быть, вопрос в том, откуда она взялась и как от нее избавиться.

– 'менно! – поддакнул Джерри. – Логика б'зупречная!

– Да будет тебе. – Дион скромно потупился. – Вообще говоря, я действую по наитию. Логика – удел Аполлона, для меня же – пустой звук. Но не будем отвлекаться. Процесс катализа по своей природе неуправляем. Сверхъестественный подход открывает двери сверхъестественным сущностям.

– Духам! – вырвалось у Джерри.

– Восхитительно! – Дион радостно захлопал в ладоши. – Ты понял! В нашем пиве завелся алкогольный дух – в буквальном смысле этого слова. А духов надо изгонять.

– Кто-то гонит самогон, а мы будем изгонять духов! – победоносно воскликнул Джерри.

– В погоню! – Дион хлопнул его по плечу.

Джерри вскочил.

– Сделаем так, чтобы дух издох, а пиво не выдохлось.

– Вот кто у нас теперь голова!

Джерри сделал несколько кругов по комнате, потом вдруг замер.

– Но как?

– Хороший вопрос, – согласился Дион.

– Чеснок? Омела? Борец? Серебряные пули? Святая вода? Распятие?

– Нет-нет-нет! – замотал головой Дион. – Все это дремучее суеверие. Не поможет.

– Тогда что?

– Вот ты встал, и девушка обернулась тебе вслед. Пока ты сидел, она тоже смотрела на тебя. А куда она обычно смотрит?

– Забавная штука, – задумчиво произнес Джерри. – Она всегда смотрит в мою сторону. Ни разу не видел, чтобы отворачивалась.

– Если явление демонстрирует подобное постоянство, тому должна быть причина. Почему она все время смотрит на тебя?

– Понятия не имею.

– Дело в тебе. Ты и есть причина!

Джерри горько усмехнулся.

– Ничего себе причина. Более разумного объяснения нет?

– Я послужил проводником, но конечной целью был ты, – продолжил Дион. – Дух желал увидеть тебя.

– Меня?! – удивился Джерри. – Быть не может.

– Духами правят только крепкие чувства, – заметил Дион.

– Крепкие, как алкоголь? – предположил Джерри.

– Любовь и ненависть. Ненавидеть тебя не за что, стало быть, дело в любви.

У Джерри закружилась голова, и он опустил в кресло. *Любовь*, – подумал он. Странное ощущение, особенно когда тебя любит дух.

– И что мне делать? Сказать ей, чтобы уходила?

– Будь осторожен, – предостерег Дион. – Духи – существа бесхитростные, а от любви до ненависти один шаг.

– Если меня сгубила любовь, то к чему приведет ненависть? – простонал Джерри.

– Нужно ее выманить.

– Как рыбу?

– Почти.

– А наживкой что будет?

– Рыбу выманивают на то, что ей больше нравится. Женщины испокон века клюют на мужчин, значит, ловить будем на тебя!

– Всегда хотел узнать, каково быть мотылем, – вяло произнес Джерри.

– Вот только куда тебя закинуть?

Джерри щелкнул пальцами; получилось с первого раза. Он удивленно посмотрел на ладонь, затем встряхнул головой и поднялся.

– За мной!

Он вышел из пентхауса и устремился к лифту. Тот стоял открытым. Дион заскочил в кабину, задышавшись от азарта, и Джерри нажал на кнопку первого этажа.

Лифт поехал вниз.

– Ага, в цех дображивания! – догадался Дион.

– Да, начнем с того места, где все заканчивается.

Двери разъехались. Джерри с Дионом быстро зашагали по длинному коридору. Джерри шел пошатываясь: снова ощущать под ногами землю ему не понравилось. Навалившись, он распахнул тяжелую дверь. Из цеха вырвался поток ледяного воздуха. Температура там была почти на нуле. Джерри щелкнул выключателем, загорелись лампы.

Все помещение занимали длинные металлические резервуары, на которых намерзли куски льда. Пролавировав между ними, Джерри открыл еще одну тяжелую дверь, ведущую в цех розлива.

– Вот кег с новым пивом. – Он пнул бочку, лежавшую под разливочным аппаратом, потом выдернул из соседней краник, не обращая внимания на полившие оттуда пиво и пену. Пиво было старое, и пена у него была самая обыкновенная. – А вот краник.

Дион тем временем поставил кег на попа, и Джерри вогнал краник в пробку.

– Ну что, выпускаем духа?

Он открыл краник на полную. Пиво бурным белым потоком хлынуло на пол, расплескиваясь во все стороны. В воздухе повис острый запах перебродившего хмеля. На желтых лужичках образовалась густая, плотная пена, начала подниматься и приобретать очертания – человеческие, женские. Наконец она превратилась в ту самую красотку, которая стояла, протянув руки к Джерри.

Девушка продолжала расти. Сначала она была мужчинам по колено, потом – по пояс. Когда она стала ростом с Джерри, тот поспешно закрыл краник. Девушка поднялась еще немного и застыла. Впервые Джерри увидел ее во всей красе, обнаженную и совершенную, от макушки до лодыжек, утопающих в пене.

Девушка выглядела живой, словно скульптура, в которую вложено столько души, что даже холодный мрамор кажется теплым. Пена слегка вздымалась и опускалась, точно красotka дышит и вот-вот сойдет с места.

– Что дальше?

Джерри посмотрел на Диона, тот пожал плечами.

– А что тебе подсказывает внутренний голос?

Джерри осторожно коснулся пены. Девушка шелохнулась. Джерри отдернул руку и потер пальцы друг о друга. Поморщился.

– Такое ощущение... странное, – сказал он и, глубоко вдохнув, коснулся девушки снова.

В этот раз она как будто потянулась навстречу. Джерри отпрянул, и пенная красotka шагнула за ним и теперь стояла на бетонном полу, словно у нее были настоящие ноги и ступни. Ее молочно-белая грудь поднималась и опускалась. Глаза распахнулись, прозрачно-синие, как летнее небо, отражающееся в горном озере.

– Афродита Пенорожденная, – прошептал Дион.

– Это не пена, – тихо сказал Джерри, убирая руку. – Это кожа, теплая кожа.

– Вот она, сила любви.

Девушка раскрыла рот и произнесла свое первое, удивительно подходящее ситуации, слово:

– Любви...

Губы у нее были красные, язык – розовый. Волосы, длинные и светлые, водопадом ниспадали на плечи. Кожа – молочно-белая. Нагота девушку несколько не смущала.

– Вот это, я понимаю, полнотелое пиво, – удовлетворенно произнес Дион.

Джерри нерешительно поднял руку.

– Можно мне?.. – растерянно спросил он.

– Конечно, – прошептала девушка, изогнувшись ему навстречу.

Джерри тут же убрал руку.

– Ладно, и так верю, – пробормотал он. – Прости.

– Не прощу, – сказала девушка, продолжая поедать его полным обожания взглядом. – Я так давно влюблена в тебя.

– Как давно? – поинтересовался Дион.

– С тех пор как попала сюда, еще с ячменем, – ответила она, впервые обратив внимание на кого-то, кроме Джерри. – Я – Невеста Ячменя, последний сноп, срезанный в поле.

– А, теперь ясно, – понимающе кивнул Дион. – Ну и забот ты нам устроила.

– Я? Вам с Джерри?! – испуганно воскликнула девушка. – Ах, я этого не переживу!.. Но мне так хотелось, чтобы Джерри меня заметил.

– И поверь мне, у тебя получилось, – пробормотал Джерри.

– Все так над тобой издевались! – Глаза у нее заискрились, как будто в воду бросили шипучую таблетку. – Особенно эта Джоан!

Джоан!.. Джерри словно окатило ледяной водой. Он несколько раз выдохнул и с неожиданной ясностью произнес:

– Если вы не против, я, пожалуй, пойду.

– Конечно, не против! – Красотка тут же очутилась рядом с ним. – Куда?

– Нет, ты, кажется, не поняла, – встревоженно сказал он. – Мне нужно уединиться.

– Отличная мысль. Пошли! – радостно поддержала она.

Джерри с ужасом посмотрел на девушку, как будто впервые увидел.

– Я хочу побыть один!

Она надула губки.

– Фи, как скучно! А еще нечестно по отношению ко мне. Ты вытащил меня в этот мир, значит, обязан обо мне заботиться. По справедливости, ты мой!

– Вот уж нет! – возразил Джерри.

Сначала Джоан, теперь эта голая девица из пены. Хватит!

– Я – ничей, ясно?

И он побежал – в цех дображивания, а оттуда, мимо длинных лагерных танков, – в коридор.

– Но я – твоя! – донесся сзади женский крик.

Джерри оглянулся. Девушка бежала за ним, легко шлепая босыми ступнями по бетонному полу.

Страх придал Джерри скорости, и он взлетел по лестнице на второй этаж. Медный варочный котел тускло поблескивал в темноте, будто влажный бок бронтозавра, вынырнувшего из доисторического болота. Джерри замешкался, раздумывая укрыться в кабинете старшего пивовара, но оттуда можно было уйти только через окно. Так что он побежал по лестнице дальше, на третий этаж. Белый сияющий силуэт все приближался.

Весь третий этаж занимал балкон. Джерри с надеждой поглядел на чан для сцеживания суслу. Если залезть туда и закрыть за собой крышку, то, может, ожившее пенное существо пробежит мимо, не заметит. В противном случае он окажется в ловушке.

Помещение химической лаборатории слева имело тот же недостаток, что и кабинет старшего пивовара этажом ниже. Поэтому Джерри рванул на себя тяжелую герметичную дверь в цех с бродительным резервуаром.

Он спрятался за кипарисовыми бочками, над которыми витал запах дрожжей, стараясь не стучать зубами, поскольку температура была почти что нулевая. Открылась дверь.

Хоть бы она не знала про свет, хоть бы она не знала про свет!

– Джерри! – раздался голос, веселый и звонкий, будто колокольчик; в нем смешались юность, радость и торжество. – Я иду искать!

Господи, для нее это все игра! – с ужасом подумал Джерри. В цеху было темно, но девушка уверенно лавировала между бочками. *А еще она видит в темноте!*

Дрожа от холода и страха, Джерри осторожно, на цыпочках пошел к двери. А на полдороге он чихнул.

В тихом помещении будто гром грянул. Девушка снова засмеялась, и Джерри, бормоча проклятия, бросился наутек. Он захлопнул дверь за собой, попытался найти засов – безуспешно – и рванул на четвертый этаж. За спиной дверь грохнула еще раз, и босые ноги зашлепали по ступенькам.

Прятаться негде. Лезть в заторный котел или чан для зернопродуктов некогда – девушка наступает на пятки. Джерри завернул за угол и помчался на пятый этаж. Там аккуратными штабелями были сложены мешки с ячменным солодом, молотой кукурузой и шелухой. Оставалась последняя надежда – грузовой лифт.

Увы, как и положено в таких сюжетах, охотник настиг свою жертву.

Дион не торопился их искать. К тому моменту как он добрался до пятого этажа, Джерри узнал, что у слова «овладеть» есть и другие значения.

Он бросил девушке пустой мешок и властно приказал:

– Прикройся, милая.

– Не стану! – Она топнула ножкой и кинула мешок обратно.

– Но тебе придется носить одежду, – умоляюще произнес Джерри.

– Зачем это?

– Так принято... Ради приличия.

– Приличие. Мне не нравится это слово.

– Все носят одежду, – продолжал увещевать Джерри. – Хотя бы на людях.

– Ладно, надо так надо, – нехотя согласилась она. – Однако носить я буду только что-то струящееся или мягкое – шелка и мех.

– Да уж, дорого ты мне обойдешься... – простонал Джерри.

– Увы, таков ход вещей, – печально подтвердил Дион. – Это древнейшая монополия, и мужчинам остается только смириться.

– Тебе нужно имя, документы... – стал перечислять Джерри. – Господи, столько всего!

– Для любви нет ничего невозможного, – сказал Дион.

– Для любви? Для любви?... Джерри непонимающе завертел головой, и вдруг его лицо переменилось. – Да чтоб тебя!.. Милая, с тобой все хорошо?

– А что? Что-то не так? – Ее лицо стало еще белее, чем прежде.

– Ты как будто заваливаешься.

– Я стою ровно.

Так и было.

– Значит, ты уменьшаешься! – воскликнул Джерри. – Ты уже ниже меня ростом!

Ей пришлось задрать голову.

– Да, ты как будто стал выше.

– Можешь что-нибудь сделать? – спросил Джерри, разворачиваясь к Диону.

Тот лишь бессильно развел руками.

– Боги дали, боги взяли.

– Нет! Этому не бывать! – Джерри стиснул кулаки. – Я только встретил ее. Я не могу ее потерять!

По девичьей щеке побежала одинокая слеза. Изящным жестом пенная красотка смахнула ее и взяла Джерри за руку.

– Ни слова больше. У нас мало времени, нечего тратить его попусту.

Джерри почти со злостью отмахнулся от нее.

– Я так просто не отступлю! – крикнул он. – Почему она уменьшается? Так не бывает! Или есть какой-то закон, естественный или сверхъестественный?

– Нету... – сказал Дион.

– Значит, должен быть выход, и мы его найдем, сейчас же! Итак, она усыхает. Почему?

– Жидкость испаряется? – беспомощно предположил Дион. – В конце концов, человек почти на семьдесят процентов состоит из воды.

– Хочу пить, – сказала девушка.

– Вопрос в том, человек ли она?

Джерри покосился на красотку.

– Вроде похожа.

– Вот только люди не усыхают. По крайней мере, не с такой скоростью. – Джерри задумался. – Пиво состоит из воды на девяносто один процент...

– Пить хочу!

– Точно! – воскликнули Джерри с Дионом в один голос.

– Она – человек, но организм ее ведет себя как пена, – затараторил Джерри. – Если в бокал не подливать пива, шапка в конце концов опадет и растворится. Следовательно, чтобы девушка не пропала, ее нужно напоить!

– Пить! Пить!

Пенная красотка была ему уже по пояс.

– Скорее! – сказал Джерри. – Черт! Я выпил все, что успели бутылковать, а до разливочного цеха она не дотянет...

– Что, совсем ничего не осталось? – В практических вопросах от Диона, как всегда, толку не было.

Джерри шелкнул пальцами и с криком «Придумал!» помчался к лифту. Нажимая на нужный этаж, он почувствовал, что в кабине есть кто-то еще. Дион.

– Джерри, старина, – тихо и доверительно сказал он. – Ты точно хочешь спасти ее? Понимаю, в тебе говорит эйфория, но не забывай, что от женщин все беды. А она к тому же еще и не совсем человек. Дай ей усохнуть, и дело с концом. У тебя останется лучшее пиво на свете, с самой обыкновенной пеной. У тебя останется пивоварня. Девушки будут в очередь выстраиваться, выбирай любую. Ты уверен, что хочешь обречь себя...

Джерри все это время тупо смотрел на Диона и очнулся, лишь когда лифт тряхнуло при остановке.

– Если бы я не знал, что ты шутишь, то уволил бы тебя тут же.

Он подбежал к ванне для пастеризации и, сунув руку в кипящую воду, вынул оттуда бутылку. Шипя от боли, он перебрасывал ее, как горячую картофелину, чтобы немного остудить.

– И все-таки зачем тебе это? – снова спросил Дион.

Он успел сходить к себе в кабинет и взять там открывалку.

– Ни за чем, просто так, – ответил Джерри, взбегая по лестнице – лифт ехал слишком медленно. – Без нее моя жизнь будет сера и скучна.

– И это правильно, – тихо произнес Дион и сбавил шаг. – Более прекрасного объяснения не слышал уже тысячу лет.

Все завершилось как нельзя благополучнее.

Джерри, конечно же, успел. Пиво было горячее, но это лучше, чем ничего. Девушке выдали свидетельство о рождении – естественно, поддельное, что еще раз доказывает: для любви и для денег невозможного нет. Наконец, ей дали имя: миссис Блитц. Большого, судя по всему, и не требовалось.

Похмелья у Джерри не было – вот что значит идеальное пиво! – зато появилась жена, красивая, любящая и верная. Да, ей приходилось просыпаться три раза за ночь, чтобы выпить бутылочку, но Джерри не жаловался. В конце концов, какие претензии могут быть к девушке, которая любит пиво? К тому же, когда владеешь пивоварней, это даже не проблема.

Дион остался старшим пивоваром, периодически уходил в загул, но Джерри не обращал внимания. Веселье и алкоголь лились рекой. Кто угодно давно бы уже спился, только не Дион. Джерри так и не спросил, какое у него полное имя, ни разу не намекнул, что лишь бог, подаривший древним грекам вино, мог создать такой напиток... Зачем портить тайну?

Перепало также и покупателям. Им досталось идеальное пиво, из которого не вылезали обнаженные красотки. Впрочем, они сами не знали, чего лишились.

Практическая магия

На черной доске белыми буквами было выведено:

КОВЕНТ

30–31 октября

Хрустальный зал

Я хихикнул. Доски объявлений в отелях все равно что вывески на кинотеатрах: всегда где-то да ошибка.

Веселье было недолгим. Я нервно огляделся; «мой» человек так и не приходил. С другой стороны, нервничать вроде и не из-за чего, если не считать, что заказ мне не нравится. Дело не в трудности – напротив, он был даже чересчур простым, а старушка платила чересчур много. Теперь мне казалось, будто кто-то за мной следит, а от такого напряжения недалеко и до невроза...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.